Каменный век

Автор:
Родион Семенов

Каменный век

Родион Семенов

Сергей Ларин

Саша Николайчук

На протяжении всей истории, человек был правящей формой жизни. Пока на свет не появились они. По неизвестной причине по всему миру стали оживать творения скульпторов из разных эпох. Смогут ли ужиться две разумные расы на одной крохотной планете? Или же уничтожат ее в попытках истребить друг друга.

Родион Семенов, Саша Николайчук, Сергей Ларин

Каменный век

Иллюстратор – Владислав Титенков

Редактор – Элеонора Тодинова

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателей запрещается.

Описание: Главный герой выживает в авиакатастрофе глубоко в лесах и, не дождавшись помощи, сам выходит к цивилизации. По прибытию он видит, что люди потеряли свою доминацию на планете и угодили в самое настоящее рабство к тем, кого когда-то создали сами. Сможет ли человечество вернуть свою свободу? Или же так и останется в плену тех, для кого они не более, чем куски живого мяса?

Пролог

18.04.2030. Стадион «ФИШТ», Краснодарский край, город Сочи.

Стадион «ФИШТ» еще не так давно был местом радости и ликования для тысяч человек. Увы… Долго этому продлиться было не суждено. За последние годы «ФИШТ» превратился в обитель гибели рода людского. Ведь именно его выбрали для одной из своих баз те, кого люди создавали по своему образу и подобию. За десяток лет одно из величайших архитектурных сооружений стало бастионом новой власти.

Но даже сейчас ликующие голоса с трибун не смолкали, глядя на то, как массивные фигуры мчатся по полю, сотрясая землю вокруг себя. Это был все тот же футбол, все те же правила, только вот жизнь, так отчаянно борющаяся за право обладания мячом, была иная. Ей были чужды страдания плоти и усталость. Как и многие другие чувства, свойственные некогда правящей на планете цивилизации. Но только не азарт. Он вновь и вновь распалял огонек души каждого из этих существ, все сильнее и сильнее разжигая в них тягу к жизни.

– Гооооооол! – взревели трибуны, когда шар из плотной резины со скоростью пушечного ядра впечатался в штангу, деформируя стоящие на поле ворота.

– И это второй гол в пользу команды «Арарат». Только взгляните, насколько сильным был удар! Нам передают, что потребуется замена мяча, так как им нельзя продолжать играть. Потрясающий удар! – голос комментатора разнесся по всему стадиону и почти мгновенно смешался с радостными выкриками собравшейся на трибунах толпы. – И я снова напоминаю, что мы наблюдаем за матчем команды «Арарат» против сборной мира! Воодушевленные первым

забитым голом, они полностью пошли в атаку, и уже на тридцать девятой минуте матча Месропят сильнейшим ударом забивает мяч в нижний левый угол ворот Яшина. Гоооол! Кто бы мог подумать! Благодаря тому, что ранее ворота были деформированы, мяч пролетел прямо в районе изгиба штанги! А потому Яшин просто не смог дотянуться! Потрясающий момент!

И вновь радостный рев сидящих на трибунах зрителей заглушил комментатора, пока некогда отлитые из металла фигуры футболистов вновь занимали свои места на поле. Да-да! Именно металлические! Еще не так давно все они были сделаны людьми в память о великих спортсменах. Только вот какое дело. У судьбы были свои планы. Десять лет назад произошло то, о чем никто не мог и подумать. Огонек души зажегся в спящих телах из металла и камня, порождая новую жизнь, так напоминающую своих создателей. Но при этом совершенно иную.

Вот и сейчас, ведомые азартом, создания из металла носились по полю, то и дело совершая самые разнообразные финты ногами, обходя одного противника за другим.

– Но посмотрите, что происходит! Связка из Златана и Бэкхема перехватывает инициативу и играючи уводит мяч в сторону ворот команды «Арарат»! Только взгляните, какая тонкая передача прямо на острие атаки! Златан Ибрагимович успешно принимает ее, иии… Его сбивают прямо в штрафной. Время первого тайма вышло, но пенальти будет исполнен. Златан сам взялся исполнять пенальти. ГОООЛ! На последних секундах матча сборная мира забивает первый гол в ворота «Арарата». Сможет ли хоть кто-то обыграть наших абсолютных чемпионов? Ведь они были командой задолго до нашего пробуждения! – полным гордости голосом произнес комментатор.

Словно по сигналу сидящие на трибунах существа замерли. Еще недавно издаваемые ими выкрики и шум эхом носились по стадиону, но теперь свое тихое слово взяла практически абсолютная тишина. И лишь в одной из VIP-зон шла оживленная беседа.

– Ваши ребята побеждают, товарищ Сталин, – твердым и монотонным голосом произнес Рузвельт. Памятник сидел около самого окна с видом на поле, на специальном каменном постаменте. – У вас хорошая и сыгранная команда.

– Благодарю, друг мой, – ответил ему голос с легким грузинским акцентом.

Рузвельт плавно повернулся лицом к тому, кто подчинил себе огромный, некогда принадлежащий людям кусок суши от Урала до Португалии, от Йемена до Норвегии.

– Позвольте продолжить. Меня прислали к вам как голос одного из правителей западного континента. Чтобы урегулировать два интересующих нас вопроса, – издалека начал Рузвельт. – Первое и самое важное – нас не устраивает ваш способ управления людьми. Вы даете им слишком много поблажек.

– Стоп, – твердо произнес Сталин. – Мы уже обсуждали это. Это мои земли, и мне решать, как обращаться с моими рабами. Я не собираюсь опускаться до геноцида, как это делает Чингис. Ваш же способ промывки мозгов и создания среди людей секты фанатиков мне отвратителен.

– Методы хана Востока нас тоже не устраивают. Но речь не об этом. У нас появились ячейки сопротивления среди людей, и пришли они с вашего берега. Вы даете им слишком много свободы, и они ползут во все стороны, набирая свежие силы. Наши же люди боготворят нас. Для них мы высшие существа, созданные, чтобы управлять ими. Это в их природе – подчиняться сильным. Они счастливы.

– Если они счастливы, тогда почему идут в сопротивление? – с ухмылкой спросил Сталин.

– Разве не очевидно? – удивленно спросил Рузвельт. – Потому что в них еще есть память о свободе. И именно ваши бунтари вновь пробуждают ее. Причем крайне успешно. Только взгляните, во что они превратили войско Чингисхана за последние три года? Я не удивлен, что он так бушует на своей земле. Они же буквально увели почти всех его рабов, попутно ополовинив его последователей. И как ему теперь восполнять утрату кадров?

– Я понимаю, о чем ты. Я уже направил ему легион новых големов. Они вышли потрясающими. Спасибо за инструкцию по их созданию, – сделав легкий кивок собеседнику, поблагодарил Сталин. – Кто бы мог подумать, что секретом к успеху окажется такая мелочь, как творческая жилка создателя!

– Мы едины и должны помогать друг другу. Делиться опытом – меньшее, что мы можем. Но давайте вернемся к нашему первому вопросу. Я предлагаю вам провести эксперимент и на основе его результатов сделать выводы о нашей системе управления рабами, – произнес Рузвельт. – Собственно, я был направлен сюда именно с этой целью. Прошу предоставить мне изолированный участок суши и несколько лет для реализации. Думаю, вы будете приятно удивлены результатом.

– Разрешите предложить для этого территорию, которой я руковожу, – раздался еще один голос с ярко-выраженным британским акцентом. – Великобритания прекрасно подойдет для этих целей. К тому же у нас еще не было замечено ни одной ячейки сопротивления.

– Благодарю вас, господин Черчилль. Данные территории и правда прекрасно сгодятся для проведения эксперимента, – сказал памятник Рузвельта.

– Я так понимаю, вы уже давно договорились между собой и дело осталось лишь за моим решением? – холодно поинтересовался Сталин. – Что же. Пусть будет так. Посмотрим, как вы сможете меня удивить. Но запомните, я скажу лишь раз. Я не фанат ваших методов, но если у вас получится объединить наши способы управления, это будет интересно. Черчилль, на тебе будет ответственность за этот эксперимент. Я видел результаты западного континента, и мне не нравятся их методы. Постарайся действовать мягче и разумнее.

– Да, я помню. Мы уже обсуждали этот вопрос с вами. Я тоже сторонник мягкой промывки мозгов. Они должны сами захотеть нам служить, – согласился британец.

– Молодец, – похвалил его Сталин. – Рузвельт, ты говорил, вопроса два, какой же второй?

– Методы Чингисхана. Если он продолжит действовать так же, мы потеряем Восток, а это недопустимо. Японские острова мы уже потеряли. И по ряду причин пока не можем туда добраться. А потому мы собираемся организовать встречу с ханом Востока, и я прошу вас помочь убедить его в необходимости смены методов правления.

– Восток – дело тонкое, а Чингис своеволен. Но я подумаю, как донести до него эту информацию, – согласился Сталин. – А теперь я хочу смотреть игру. Так что все вопросы потом. Начинается.

– И мы вновь возвращаемся к матчу! – громкий голос комментатора оживил стадион. – Итак, что мы видим? На поле установили новые ворота, а в команде мира произошла замена, на поле выходит Зидан. Вы все его знаете и любите! Что же, посмотрим, сможет ли он исправить ситуацию на поле! И таааааак, мы начинаем второооой тайм!

Рев трибун вновь заполонил всю округу. Подогреваемые азартом памятники вскакивали со своих мест, не замечая лежащих у их ног рабов из плоти и крови. Многие из них погибли еще в первом тайме, когда их хозяева злились из-за проигрыша команды мира. Но кто их считает? Одним больше, одним меньше. Мясо, не более.

– Команда «Арарат» начинает с центра и тут же теряет мяч. Сборная мира на всех парах начинает атакующие действия! Месси передает мяч Роналду и убегает на фланг, пасует Чарльтону, и тот начинает играть в короткий пас с Зиданом. Мяч у Зидана! Но что мы видим! Какой прекрасный пас на Месси! Он уже занял отличную позицию на фланге и успешно принимает подачу! Набирает скорость и смещается в центр, обходя одного защитника за другим! Удар в дальнюю «девятку» и гоооооол! Сборная мира наконец-то сравнивает счет. Какая игра! Только посмотрите! Что же, мы видим, что решение выпустить на поле Зидана оправдало себя! Будем надеяться на продолжение столь красочной игры!

Весь стадион вновь взорвался овациями и криками в поддержку обеих команд. Каждый удар в ворота соперника то и дело повреждал их конструкцию, что только подбадривало сидящих на трибунах фанатов. И вот когда второй тайм начал подходить к концу, голос вошедшего в азарт диктора ускорился, а паузы между слов затерялись в одном сплошном потоке его монолога.

– Стрельцов с помощью нескольких обманных движений освободился от опекуна и двинулся в направлении штрафной площади «Арарата». Увидев молниеносно открывающегося в свободную зону Роналду, Стрельцов резким обводным ударом направляет мяч на ход Роналду. Роналду догоняет мяч возле левого угла площади ворот, на замахе укладывает защитника и вратаря и коротким пасом выводит на свободною ударную позицию Месси, который уверенно забивает гол.

3:2 . Сборная мира повела в счете на последней минуте матча! – словно на одном дыхании прокричал комментатор и продолжил. – Уважаемые зрители! Я прошу вас не расходиться после матча! Ведь по окончанию будет зрелище иного рода! Не так давно нам удалось разрушить еще одно гнездо человеческого сопротивления! Будет произведена показательная казнь. Заставьте прислуживающее вам мясо наблюдать за этим. В них не должно оставаться ни капли надежды…

Холодный бетонный пол медленно скользил перед его глазами, то и дело царапая кожу валяющимися на пути осколками камня. Он уже давно смирился со своей участью. Таких, как он, долго в плену живыми не держат. Ну и пусть. На его счету немало диверсионных вылазок, в результате которых получилось существенно проредить численность этих уродов. Единственное, что сейчас его заботило, – это невыносимый зуд кожи лица, собравшей, наверное, уже тонну грязи с пола. Как же хотелось его почесать. Только вот руки человека были крепко связаны за спиной. И единственная возможность хоть как-то облегчить положение было прислониться лицом к движущемуся под ним полу. Все равно тащат за ноги. Почему бы не воспользоваться этим? Получить заражение он уже не боялся. Все равно жить ему оставалось недолго.

Резкий рывок вернул его в реальный мир. Вылетев из коридора, он только и успел почувствовать тысячи глаз, следящих за ним, и разглядеть быстро приближающиеся остатки газона, покрытые следами свернувшейся крови и осколками каменной крошки. Громкий гул разнесся по всему стадиону. Орда голосов поражала своим разнообразием.

– Заткнитесь, твари! – заорал человек, пытаясь оторвать свое лицо от покрытой алыми пятнами земли. Но они не заткнулись.

– А то что ты сделаешь? – произнес громкий голос сверху. А существо, все это время тащившее его за ноги, вновь начало приближаться. В каждом его шаге ощущалась исполинская мощь, способная в одно мгновение раздавить неугодного человечишку.

– Развяжи мне руки, дай гранатомет и увидишь, чертова каменная тварь!

– Глядите-ка, какой мы дерзкий! – вновь раздался голос сверху. С каждой секундой расстояние между ним и шагающим на него големом сокращалось. Лежащий на земле пленник заметил то, что раньше никогда не привлекало его внимания. Каменное лицо идущего к нему было живое! Нет, оно все так же было из камня, это однозначно. Но его лицо жило! Его мимика двигалась почти как у настоящего человека. Оно выглядело словно еще не застывшая глина. Таким же мягким и податливым. Только вот за одним маленьким отличием. Оно было невероятно твердым. Еще не так давно созданные големы были похожи на несуразные куски камня. Не имея четкой формы, они были самыми первыми и самыми слабыми слугами первородных. Нет, конечно, физической мощи им было не занимать, но вот со скоростью передвижения и реакции были большие проблемы. Сейчас же на него шагало существо, почти равное своим повелителям. Грация движений, плавность линий и цепкий осознанный взгляд каменного исполина говорили о том, что в нем трепещется свой собственный, никем не ведомый разум.

Засмотревшись на грациозно шагающий памятник, он даже не успел заметить, как крепкая каменная рука схватила его за ногу и снова отправила в полет под звонкий хруст малой берцовой кости. Резкая боль словно ударом тока пронзила нервную систему человека. И как только пронзительный вопль боли вырвался из его горла, тело коснулось земли, выбивая последние частички воздуха из грудной клетки, обрывая крик.

– Все еще кусаешься? А? Мясо, – отшвырнувший его голем впервые обратился к нему. «Мясо» – именно так каменные твари называли людей. Для большинства из них обращаться к примитивной расе по именам считалось оскорбительным и недопустимым.

– А ты… – едва удерживая разум в сознании, произнес задыхающийся от боли человек. – Так и будешь вести неравный бой или же твои яйца не столь крепки, как твои кулаки? Может, они у тебя из плоти? Хотя откуда у тебя яйца? Не думаю, что скульптор, создавший тебя, наделил тебя этим украшением.

– Не много ли слов для того, кто сейчас подохнет как скотина?

– Остановись, – громкий голос разнесся по стадиону, обдавая всех ледяным холодом.

– Тебе повезло! – напоследок бросил голем и замер, глядя на одну из трибун в ожидании нового приказа.

– Ну что, шавка? Поводок натянули? А ведь ты почти такой же, как и те, кто тобою командует. Почему ты должен подчиняться им? – задал мучавший его вопрос человек.

– Замолчи, мясо. Не смей сеять раздор в наших рядах, – раздался новый голос с ярко- выраженным грузинским акцентом.

– Вы все равно меня убьете. Так что буду говорить, что захочу и кому захочу, – переворачиваясь на спину, произнес человек. Боль в ноге переходила из состояния невыносимой в пульсирующую. Кость явно распорола мышечные ткани. С такой ногой шансов убежать точно нет. А потому и смысла трястись от страха не имеет. Смерть неизбежна. А молить о пощаде он точно не намерен.

– Убьем. Не сомневайся. Но пока ты отвечаешь на наши вопросы, мы еще можем говорить с тобой, – обладатель грузинского акцента с грациозностью гепарда спрыгнул на поле в десяти метрах от человека. – Твое имя?

– Аааа. Я так и думал, что это ты. Кто бы мог подумать, что очередной Иосиф Виссарионович снизойдет до общения со мной. Знал бы ты, сколько мы твоих двойников замочили.

– Твое имя, мясо? Учти, повторять вопрос я не буду.

– Когда-то меня звали Эмиль.

– Хорошо, Эмиль. Я буду звать тебя так, – присаживаясь на корточки рядом с человеком, произнес памятник Сталина и слегка надавил пальцем на сломанную ногу лежащего на земле человека. Вопль боли сам собой вырвался из легких вместе с сильным кашлем, что вызвало ответный радостный гул со стороны трибун.

– Ты обращаешься к нему по имени? – едва ли не взвопил от гнева голос, приказавший солдату остановиться. – К мясу?!

– Молчи, Цезарь. Я говорю. Или тебя что-то не устраивает? – полным ярости басом прогромыхал Иосиф. И тут Эмиль заметил, как Сталин начал менять цвет, приобретая малиновые оттенки раскаляющегося от высоких температур металла. В отличие от своих каменных собратьев, статуи из меди или бронзы на порядок дольше принимали свою боевую форму. Но при этом их разрушительная мощь был на порядок выше.

– Да! Меня не устраивает, что такой ублюдок правит этим континентом! – послышался ответ, и на поле появилась новая фигура. Вальяжной, властной походкой он медленно спускался с трибун. Оказавшиеся на его пути статуи, преклоняя головы, расходились в разные стороны. И неудивительно. Они были созданы уже после начала конца человеческой расы, а потому были слугами первых оживших.

– Так подойди и скажи мне это в лицо! – воскликнул памятник бывшего правителя СССР. В один прыжок Цезарь оказался возле него и уже собирался нанести удар, как был откинут назад молниеносным прямым ударом ноги в каменную грудь. Вернувшись в свое сидячее положение, Сталин спросил:

– Когда же ты успокоишься?

– Что, голубки? В раю не все гладко? – ехидно спросил Эмиль.

– Молчать! Еще слово, и я раздавлю твою голову! – заткнул его памятник вождя.

– Зачем ты говоришь с этим куском плоти? Объяснись! Я, нет, мы все требуем ответа! Разве ты не помнишь, скольких они уничтожили своим оружием после нашего пробуждения? – вставая с земли, спросил памятник римского императора. Волна шепота эхом пронеслась по трибунам.

– Вот поэтому я и правлю. У меня хватает разума не поддаваться эмоциям во время допроса. А вы, идиоты, даже шептать не смейте! – последняя фраза была направлена в сторону сидящих на скамьях памятников. – Естественно, я помню, как нас взрывали. Их оружие, несущее жар и пламя, уничтожило не одного моего товарища! Даже металл превращается в пыль под воздействием большого количества взрывчатки. Но также я знаю, что сейчас у них есть вожак! Вожак, который словно дикий зверь со стальными клыками! Он откусывает кусок за куском наших земель и не останавливается ни на минуту! И они идут за ним! С

каждым захваченным поселением рабов их армия все больше и больше! Он несет надежду и свободу для этих жалких кусков плоти!

– Так поймаем, убьем же его! – раздался выкрик с трибун.

– Кто это прокричал? – холодно спросил памятник Сталина. – Убьем. Как просто это сказать и как сложно это сделать. Мы годами ищем его! Как только мы стали хозяевами этой планеты, они принялись уничтожать нас. Хитростью и изворотливостью! Это особенный человек. Они умирают, но не выдают его. Какую бы цену мы ни предлагали!

– Потому что он тот, кто сотрет вас с лица земли. Лучше умереть самому, чем предать человечество! – сквозь пульсирующую боль проорал Эмиль. Услышав его слова, Сталин довольно хмыкнул.

– Вы его слышали? А потому мне нужна информация о нем. Но для начала я хочу понять, что он из себя представляет. Мясо по имени Эмиль, ты расскажешь мне о вашем лидере? – вновь, медленно поднося руку к поломанной ноге, начал допрос памятник вождя.

– Не думал, что любопытство присуще металлической твари вроде тебя.

– Я не буду повторять вопрос. Цену молчания и уходов от ответа ты знаешь, – и вновь затуманивающая сознание боль пронзила ногу Эмиля. На этот раз ему казалось, что еще немного, и его разум впадет в блаженное состояние отрешения от всего. Но, увы, защитная психологическая реакция так и не сработала, оставив его наедине с раздирающей все тело болью.

Молчание повисло над стадионом.

– И вы снова видите, как они преданы этому человеку!

– О каких территориях идет речь? – спросил Цезарь.

– Они захватили Японию, побережье Китая и почти всю южную и восточную части России. Только представь, на что они способны? Каждая схватка закаляет их и делает сильнее. Они учатся бороться с нами!

– Так отправим армию из слуг им навстречу! – почти прокричал памятник римского императора.

– Это уже пройденный этап. Они прячутся в горах и лесах. Их воины заманивают нас в ловушки из болот, взрывчатки или просто заливают нас кислотой. Големы слишком глупы, чтобы просчитывать их тактику, а командиров они уничтожают первыми.

– Неужели ты нас боишься? – голос Эмиля заставил всех замолкнуть. Никто не ожидал этого вопроса. – Надо же. Значит, мы уже победили. Значит, все это было не зря!

Хриплый, радостный смех с надрывом вырвался из лежащего на земле человека и эхом разлетелся по замершему в тишине стадиону. Он был счастлив. По-настоящему счастлив. Мысль о том, что эти существа наконец-то обрели страх, ввергла его разум в состояние чистейшей эйфории.

– Чему ты радуешься? Ты сейчас умрешь! – воскликнул каменный солдат, все это время стоявший в стороне от лежащего на земле человека.

– Знаете. А я вам расскажу. Я хочу, чтобы вы, наконец, поняли, с кем имеете дело и что вам, тварям, осталось не так долго! И можете не надеяться, я не выдам вам никаких полезных для вас фактов! Но расскажу вам о том, кто вселяет страх в ваши каменные холодные сердца!

– Но зачем? Никто до тебя даже не соглашался назвать его имя! – удивленно воскликнул Сталин.

– Я хочу, чтобы вы боялись еще сильнее. Ведь он не просто человек. После того, что я вам поведаю, вы уже не посмеете называть его «мясо». Я сделаю все, чтобы все ваши мысли были полны ужаса при упоминании его имени, ведь однажды он придет за вами. За каждым из вас. Он истинное олицетворение бога войны. И имя ему…

Акт первый

Глава первая

Наши дни. Город Кистон, Южная Дакота, США

Холодов Кирилл Андреевич, двадцать семь лет от роду. Известен как ведущий популярного видеоблога о путешествиях и экстремальных видах отдыха. На его счету не одна покоренная вершина. Еще в двадцать три года ему был пожалован титул «Снежный Барс России». Высшее звание, которое присуждает Федерация альпинизма за покорение десяти высочайших вершин Российской Федерации. Для Кирилла это был просто очередной вызов самому себе. Но даже достижение данного звания не остановило Холодова. Долгие путешествия и работа над раскруткой своего персонального видеоблога сделали его довольно популярным в определенных кругах человеком. Не один раз он оказывался на волосок от смерти, и многие из этих моментов были успешно запечатлены на экшн-камеру, с которой он никогда не расставался. Копилка его побед была обильно заполнена всевозможными приключениями. От глубоководных погружений с аквалангом до побега от лавины на сноуборде. Большинству его подписчиков становилось плохо только от просмотра того видео, представьте, насколько страшно было находиться по ту сторону объектива камеры! Но даже это не сломило дух молодого путешественника! Вот и сейчас он находился в отеле города Кистон, в Южной Дакоте США, готовясь к очередному вызову, который бросил сам себе. Более полугода ушло на то, чтобы договориться с властями Соединенных Штатов Америки о том, чтобы ему позволили проехаться на велосипеде по натянутому между головами Джорджа Вашингтона и Авраама Линкольна тросу. И все это ради рекламы велосипедов компании «BLC». Но что не сделаешь ради хорошей прибыли? Участие в одном таком рекламном ролике обеспечит его финансами на следующие полгода. Кому еще в голову придет сделать такой трюк? Только тому, кто вовсе не беспокоится за собственную жизнь.

Жажда адреналинового прихода мучила его. Когда-то Кириллу хватало простой пробежки, чтобы насытить ее. Но человек – такое существо, которое ко всему привыкает. И чтобы продолжить получать удовольствие от вырабатываемого надпочечниками вещества, степень риска приходилось увеличивать с каждым новым трюком. Вот и сейчас кровь Кирилла кипела в предвкушении поездки над пустотой без какой-либо страховки.

Джордж Бишоп, менеджер компании «BLC», который был приставлен к Кириллу на время подготовки к выполнению трюка, оказался славным парнем и невероятно ответственным сотрудником. В этом Холодов убедился еще раз, когда он прибыл к месту съемок – горе Рашмор. Вся территория была оцеплена и готова к началу. А толпа фанатов весело загудела, как только спортсмен вышел из автомобиля.

– I love you, people! – прокричал им Кирилл и помахал руками, чем вызвал новый взрыв оваций в свой адрес. Естественно, об этом событии знала вся округа. О нем говорили в рекламе, писали в социальных сетях множество блогеров, да и сам Кирилл опубликовал информацию на своем аккаунте в «Твиттере», чем вызвал очередной ажиотаж среди армии своих фанатов. Никто из американской аудитории его блога не мог подумать о том, что русскому экстремалу позволят провести такой трюк. Но деньги всегда имели вес в этом капиталистическом мире. К тому же подобные события мигом разносятся по всему миру и привлекают внимание к великим памятникам архитектуры. А это прогнозирует большой приток новых туристов.

– Мистер Холодов, – на ломаном русском начал Джордж, пожимая руку спортсмена. – Мы подготовили все, что необходимо для вашего трюка. Съемка будет идти с шестнадцати камер, как с земли, так и с вертолета.

– Я же говорил, чтобы вы исключили вертолет. Воздушные потоки, которые он будет создавать, помешают мне. Джордж, неужели это ваш первый промах в работе со мной? – с ухмылкой поинтересовался Кирилл, оценивающе взглянув на Джорджа. Невысокий коренастый брюнет, судя по силе рукопожатия, активно занимается силовыми упражнениями с железом. При их первом знакомстве его рекомендовали как отличного эксперта в вопросе связей с общественностью. Когда ему предложили работать с самим Холодовым, он всего за пару недель подтянул свой уровень знания русского языка до вполне сносного для поддержания коротких бесед.

– Sorry. Мой русский несколько плох. Я имел в виду маленький вертолет. Беспилотник с камерой.

– А, вы имеете в виду дрон? – обрадованно уточнил Кирилл. – Дроны – это круто! При грамотной работе операторов могут получиться просто потрясающие кадры!

– Yes! Да, это дрон. Прошу меня простить. Не думал, что у вас тоже используется это слово в их обозначении.

– Нестрашно, Джордж. Давайте приступать. Мне уже не терпится.

– Мне говорили, что вы адреналиновый маньяк. Признаюсь, я бы в жизни не рискнул на подобное.

– Боитесь высоты?

– Боюсь смерти, – почти мгновенно ответил Бишоп и посмотрел на Холодова серьезным взглядом.

– В ней нет ничего страшного. Я много раз был близок к ней. Умирать, так хотя бы интересно.

– Вы псих, мистер Холодов, – с легким неодобрением в голосе произнес Бишоп.

– Не буду отрицать, – по-дружески похлопав менеджера по плечу, ответил Кирилл. –Ну что? Приступим?

По заранее согласованному сценарию, Кирилл должен был ехать на велосипеде по вершине, перепрыгивая с выступа на выступ, а в завершение на скорости заехать на плоский, натянутый как струна трос и на максимальной скорости пересечь расстояние от одной головы до другой. И как только он окажется на макушке Джорджа Вашингтона, к нему подбежит съемочная команда, чтобы отснять оставшиеся материалы для монтажа ролика.

– Приступайте, как будете готовы. Мы уже начали съемку, – раздался голос режиссера из наушника. Собственно, этого и ждал Кирилл. Застегнув ремешок шлема, он запрыгнул на велосипед и сорвался с места, набирая скорость для первого прыжка. По пути к тросу ему было необходимо преодолеть метров тридцать по бездорожью, прыгая с камня на камень, которыми был усеян выбранный маршрут. Он не раз выполнял подобные трюки. А потому страха не испытывал. Напротив, он был в предвкушении.

До троса оставалось метров десять, когда Кирилл переключил скорость и опустил рычажок, фиксирующий задний амортизатор велосипеда. Въезжать на трос в ином состоянии железного коня было бы глупо. Слегка сбросив скорость, чтобы не промахнуться мимо тонкой полоски ткани, раскинувшейся через пустоту, он въехал на нее, ощущая, как та слегка прогибается под весом спортсмена. Это стало для него неожиданностью. Она должна была быть натянута куда сильнее. Но даже это не остановило его. Скинув скорость еще немного, он согнул колени и стал медленно, но верно двигаться вперед. И только когда он достиг середины троса, его сердце радостно забилось, получив новую дозу адреналина. Напряжение в грудной клетке, вызванное спокойными днями, исчезло, и Кирилл, сделав глубокий вдох, ощутил легкое головокружение. Не самое лучшее ощущение в данной ситуации. Но опыт оказался сильнее легкой адреналиновой эйфории. Быстро взяв себя в руки, Холодов продолжил двигаться вперед, когда земля дрогнула. Это ощутили все. Толпа фанатов, затаивших дыхание у подножья горы, операторы, снимавшие трюк спортсмена, но больше всех это ощутил сам Кирилл. Трос под его колесом дрогнул и моментально ушел из-под него. Лишь умение принимать быстрые решения в экстремальных ситуациях и молниеносные рефлексы помогли Кириллу ухватиться за ускользающую из-под ног полоску ткани и повиснуть на ней между двух вершин. Он успел заметить, как сорвавшийся вниз велосипед с громким треском обрушивается на землю.

– Землетрясения мне тут еще не хватало! – только и успел раздраженно подумать Кирилл, как натянутый трос в его руках лопнул, со всей силы хлестнув его по правому боку. Если бы не накачанный адреналином организм, скорее всего, Холодов тут же сорвался бы вниз. Но вместо этого он мгновенно крутанул кистью правой руки, наматывая полоску ткани, и по дуге устремился вниз.

Склон горы приближался к нему с невероятной скоростью. А ускользающий из рук трос, стерев тонкие велосипедные перчатки, отчаянно рвал кожу на ладонях. От боли Кирилл еще крепче вцепился в него и попытался сгруппироваться перед ударом о склон. Но, как ни готовься к болевым ощущениям, их сила от этого меньше не станет. Под действием маятниковой тяги Холодов влетел в каменную стену правым плечом с такой силой, что его сознание помутнилось. Все, что он помнил дальше, были лишь хруст костей, падение и мелькающие по кругу виды камней, неба и раскинувшиеся перед горой Рашмор пейзажи леса. Но еще одно отчетливо врезалось в память Кирилла. Когда его везли на носилках в машину скорой помощи, головы президентов словно следили за ним живым и полным любопытства взглядом.

Говорят, сотрясения головного мозга не проходят без последствий. Если это так, то Кирилла ждала «веселая» старость. Особенностью его профессиональной деятельности были периодические травмы, которые он получал либо по глупости, либо из-за непредусмотрительности или же, как в данном случае, в игру вступала сила случайности, которой невозможно избежать, как ни старайся. Что бы ни говорили люди о возможности контролировать волю случая, но это невозможно. Вот и сейчас Кирилл сидел и рассуждал о том, что стало истинной причиной его падения? Уже вторую неделю он лежал на больничной кровати с ноутбуком и искал информацию по зафиксированным землетрясениям в окрестностях горы Рашмор. Только вот таковых не было. Ни одна тектоническая плита не шелохнулась! Но земля дрожала. Причем так, что трос лопнул! «Гугл» выдавал множество странных происшествий за этот период, от ничем не примечательных исчезновений людей до падения метеорита в Атлантическом океане. Вот последнее Кирилла заинтересовало. Люди все время пропадают, а вот метеорит не каждый день падает. А так как этот вообще впервые, да еще, судя по временным показателям, как раз в тот момент, когда он совершал трюк. Но не мог же толчок от падения быть настолько сильным, что Холодов ощутил его на таком расстоянии? Да и сам метеорит до сих пор не нашли. Ученые предположили, что он растворился в воде или же раскололся, после чего подводное течение разнесло осколки по только ему ведомым траекториям. В данный момент активно организуется экспедиция на поиски пропавшего небесного тела.

– Ну и дела, – удивился Холодов, закрывая ноутбук. Старенький ACER был его надежным спутником в путешествиях. Сколько раз он чудом выживал, падая с какой-нибудь скалы, лежа в походном рюкзаке. Один раз он выпал с рафта во время сплава. И представьте себе, его удалось спасти! Этот ноутбук был для Кирилла олицетворением живучести. Старый добрый друг. Он не раз был на пороге смерти, но, как и сам Холодов, выбирался из ее объятий живым.

Это был последний день больничного режима. В шесть вечера Кирилла ждал самолет на родину. Лечащий врач крайне не рекомендовал лететь после подобных травм, аргументируя это тем, что из-за резкого перепада давления травма головного мозга может осложниться. Но Кирилла было не остановить. Если он решал что-то делать, только два фактора могли помешать этому. Первым фактором, естественно, была смерть, а вторым – прямое вмешательство воли случая, прямо как во время выполнения последнего трюка. Холодов все еще пребывал в не самом позитивном состоянии духа. Чертово землетрясение!

Ну кто бы мог подумать, что такое вообще случится? А самое главное – даже чуйка, на которую он привык полагаться, соблюдала партизанское молчание. Кирилл верил своему чутью. И оно крайне редко подводило его. Но и такое тоже случалось. Сила случайности время от времени появляется в жизни каждого человека. Это константа нашего существования. И от нее никак не избавиться.

После того, как все вещи были собраны, а документы о выписке заполнены, Холодов вызвал такси и, прихрамывая, опираясь на костыль, вышел на улицу. Правая нога все еще болела и при каждом шаге раздражала нервную систему очередным приступом легкой, но острой боли. Конечно, Кирилла это не останавливало, он умел терпеть. Но зачем это делать, когда можно опереться на костыль и уменьшить нагрузку на травмированную конечность?

Попрощавшись с персоналом клиники, он сел в такси и отправился в аэропорт. Ему хотелось покинуть этот округ как можно быстрее. Стоило ему закрыть глаза, как каменные головы президентов начинали следить за ним взглядом, и это его очень нервировало. Естественно, это была всего лишь галлюцинация, вызванная травмой головы, но все же. Что ни говорите, а от состояния психики зависит вся наша жизнь. И сейчас Кирилл был несколько сломлен. Хорошо, что хотя бы компания «BLC» не стала отказываться от финансовых обязательств перед Кириллом. Мало того, что они отсняли немало материала для рекламы, так еще упавший велосипед, как оказалось, почти не пострадал. Умелые маркетологи тут же вцепились в это и провели рекламную кампанию, в которой пропиарили качество своей продукции. Вообще клиент остался доволен, а Холодов получил денежный перевод на свой счет с довольно приличной надбавкой за полученные травмы. Естественно, все это было заранее обговорено в контракте.

В самолете его голову тоже заполнили дурные мысли. Как советовал ему лечащий врач, едва усевшись на место, он выпил успокоительное и попытался уснуть. Ему снился тот день. То, как он набирает скорость и оказывается повисшим на тонкой ленте ткани над пустотой, то, как она рвется, как он падает. И взгляд каменных глаз. Взгляд, полный любопытства и холода.

Он проснулся в холодном поту. Сидящий по соседству мужчина внимательно смотрел на Кирилла.

– Плохие сны? – поинтересовался он на безупречном русском. Собственно, это было неудивительно, учитывая конечный путь самолета.

Кирилл бегло осмотрел соседа. Немолодой мужчина, лет шестидесяти пяти. Судя по выправке, бывший вояка. Волосы седые, густые, небольшой шрам на левой щеке. Через легкую бороду не разобрать, от чего. В темном салоне было сложно понять цвет его глаз, но Холодов склонялся к карему.

– Да, – коротко ответил он соседу.

– Воевал? Взгляд у тебя, словно смерть увидел.

– Увидел. Но не воевал. Я спортсмен, только из больницы выписался. Со скалы упал. Чудом выжил.

– Аааа, я о тебе слышал. Холодов Кирилл, кажется? Не думал оказаться с такой знаменитостью на соседних местах, – то ли правда радостно, то ли с издевкой произнес старик.

– Верно. А вас как зовут? – поинтересовался Кирилл.

– Смирнов Олег Дмитриевич, – по-военному без запинок произнес старик.

– Рад знакомству. Что вы в Штатах делали?

– Дети у меня там живут. Летал навестить. Сами же фиг когда в Россию приедут к батьке-то, – с досадой в голосе произнес Олег Дмитриевич.

– Да уж, – только и смог ответить Кирилл.

Проблемы соседа его не особо волновали. Его история не нова. Почти каждый ребенок, выпорхнув из родительского гнезда, не желает возвращаться обратно. И дело тут не в стране проживания, хотя и в ней тоже. Америка всегда старалась сохранить в своем генофонде каплю свежей крови, не пропитавшуюся холестерином от гамбургеров. А потому условия проживания там, естественно, в разы лучше. Но патриоты потому и патриоты, что никогда не вымрут. Какой бы глупостью это не было. Кирилл уже давно считал, что миру пора прекратить делить себя на страны. Все люди должны быть едины, а не драться из-за цвета кожи или вероисповедания. Когда его призвали в армию, он очень не хотел идти, а оказавшись там, вечно спорил со слишком патриотичным прапорщиком

на тему единства рас. Прапор раз за разом сводил все к войне в Чечне и отказывался понимать, что не народ напал на тогда еще Советский Союз, а политики, просравшие кучу народных денег из-за неудачной банковской реформы. Устроили эту войну, чтобы отвлечь внимание от проблемы и избежать гнева потерявших сбережения граждан. Но мозг военного отказывался понимать это. Его слепой патриотизм и вера в страну были столь свирепы, что за неугодные барину речи Холодов стал жертвой избиения со стороны других солдат. Естественно, не без влияния прапора. Тот случай заставил Кирилла понять, что, когда тупые люди не могут смириться с фактами, они всегда прибегают к насилию. Но это не сломило его. Напротив. Под конец его службы сломлен был обидчик. Буквально сломлен. Как только «деды», которые нападали на нерадивого солдата, покинули службу, он подкараулил его и разбил ему лицо о стену уличного туалета. А чтобы тот больше не смел катить на него бочку, скинул его в яму, полную естественных выделений человеческого организма, и снял на видеокамеру в телефоне.

– Я отправил видео себе на почту, если из-за тебя у меня хоть еще раз возникнут какие-то проблемы, тысячи человек увидят тебя на экранах своих телефонов, компьютеров и так далее. Понял? – к тому времени Холодов, закончивший университет, уже вел свой видеоблог. И количество подписчиков подходило к нескольким сотням тысяч человек. Так что подобный аргумент стал для прапорщика поводом стерпеть унижение, чтобы не опозориться на всю страну. Тем более, что причина мести была справедливой. Хоть он и отказывался принимать сей факт.

Разговор с соседом не был особо приятен Холодову. Мужик всю дорогу жаловался на капитализм американской системы, на политическую систему России, на современную армию, на медицину и многое другое. От чего голова спортсмена еще больше начала болеть. Пустой треп мужика настолько достал его, что он прикинулся спящим, чтобы тот хоть немного помолчал и не лез к нему со своей чепухой. Жаловаться на проблемы – глупое занятие. Их либо необходимо исправлять, либо принимать, если не можешь ничего с ними сделать. Но принимать, не попробовав бороться, – удел слабаков и тряпок.

Пока Кирилл прикидывался спящим, он сам не заметил, как и правда уснул. Но стоило ему прогрузиться в глубокий сон, как каменные головы вновь следили за ним своим холодным взглядом. Он бежал от них сквозь пустую тьму разума, но они не отдалялись. И как только страх достиг своего пика, Холодов ощутил то чувство, ради которого жил последние годы своего существования. Адреналин.

Кто бы мог подумать, что он получит его во время сна. Сердце словно замерло на мгновение. Бешеный, хаотичный ритм сокращающейся от перекачки крови мышцы сменился на медленный, но сильный. И спортсмен замер. Он больше не бежал от пронзающих каменных глаз. Ему не было страшно. Напротив, он был полностью сосредоточен, но его тело жаждало действий. И он понесся в обратную сторону. С каждым его шагом глаза каменных лиц становились все шире и шире. Он бежал на них, ощущая, как его тело становится сильнее с каждым шагом, а сковывающий рассудок страх испаряется словно эфир, оставляя за собой пустоту, которая заполнялась новым приливом энергии. Каким бы не был сильным человек, его реальная мощь зависит от состояния его разума. Даже слабак, достигший внутреннего покоя, способен победить сломленного духом опытного бойца. А Кирилл был тем еще воином. Нет, он не был мастером оружейного дела, да и драться-то особо не умел. Но он каждый день жил для того, чтобы преодолевать себя. Он ломал себя физически и психологически, чтобы собрать вновь. Лучше и сильнее. И какие-то каменные головы не способны полностью сломить человека, который ломает себя изо дня в день.

– Кирилл! Парень! Проснись! – бешеные крики соседа вернули Холодова в сознание. Салон самолета был наполнен атмосферой паники и хаоса.

– Что… – сквозь сон спросил спортсмен, но его тут же перебили.

– Внимание! Говорит пилот. Мы ведем контролируемое падение. Произошел отказ одного из двигателей. Прошу пассажиров занять свои места и застегнуть ремни безопасности, – раздалось из динамиков.

– Видимо, удача покинула меня, – подумал Кирилл. Одно за другим. – Эх, надо было оставаться в больнице.

– Что? О чем ты? – всполошился сосед.

– Да так. Мысли вслух. Не хотите поменяться местами? – с такой удачей, как у него, глупо было сидеть у окна во время экстренного приземления. Он знал, что это не повод паниковать. Умелые летчики способны посадить самолет и не с такими неполадками. Был случай, когда пассажирский «Боинг» 777 модели, набравший высоту, стал жертвой отказа двигателя. Дым заполнил салон настолько, что капитану судна вместе с пилотами приходилось сажать самолет в

кислородных масках. Как они потом рассказывали в многочисленных интервью, подобная практика имеет место быть. Для тренировки таких моментов даже имеются специальные симуляторы, которые создают такую же ситуацию. Но было одно отличие. Тот самолет садили на посадочную полосу. А они летели неизвестно где.

– Шутки шутить вздумал? Да ты отбитый, я погля…

Договорить он не смог. Самолет резко дернуло, и все, кто не успел пристегнуться, полетели в разные стороны. Кого-то подбросило к потолку, другие же под силой инерции полетели по проходу. Единственное, что успел заметить Кирилл, – это приближающееся к его лицу стекло иллюминатора, за которым на бешеной скорости проносились верхушки деревьев.

Импульс, вызванный резким толчком от падения метеорита, почти мгновенно пронесся по всему миру. Не все ощутили его, в основном лишь животные испытали легкую тревогу из-за столь необычного природного явления. Только вот он существенно отличался от привычных колебаний земной тверди. Этот импульс был словно дыхание Господа, уже единожды зародившее жизнь на этой планете. Его колебания несли в себе силу, которую многие философы прозвали бы «искра жизни».

В кромешной пустоте вдруг неожиданно вспыхнул маленький огонек. Словно пламя спички в дождливую погоду, он в панике колыхался на ветру в совершенной растерянности. Только ветра не было. Вместо него мир был наполнен непонятными, колышущимися волнами, идущими откуда-то снизу. Они мягко поднимались по твердому телу, в котором был заточен огонек, и заботливо ласкали, неся вместе с собой новые ощущения. Он пока не понимал, что у него появилось самое первое в его жизни чувство восприятия. Огонь наслаждался тем, как нежно они проникали в него и насыщали новыми, непознанными ранее ощущениями, которые с каждым мгновением становились все более четкими. Но ему этого было мало: пробуждающееся сознание желало понять, откуда исходят все эти волны. И он начал внимать каждому колебанию, проникающему в его зарождающийся разум.

Огонек не ведал о том, сколько прошло времени. Да и с самим термином «время» он тоже еще не был знаком. Но ощущения, которые несли в себе волны,

становились все ярче и отчетливее. Молодое сознание уже не просто чувствовало вибрации, пронизывающие его, ему стало доступно понимание того, что у каждого колыхания есть свой источник. А их вокруг было немерено. Одни были огромны и неподвижны. Точнее не так. Они тоже двигались, но настолько мало и неуловимо, что большая часть вибраций просто разбивалась о них и огибала словно легкие потоки ветра о верхушки скал. Другие объекты были куда меньше, но их было настолько много, что уследить за ними было невероятно сложно. Они двигались вокруг, время от времени останавливаясь по непонятным огонькам причинам, после чего вновь продолжали свое движение.

Но, помимо этого потока информации, вибрации несли в себе еще одно чувство, которое усиливалось с каждой осознаваемой волной. Чувство некой оболочки, в которую был запечатан этот самый огонек.

– А я большой, – осознал он. – Куда больше, чем все эти мелкие источники. Эх, вот бы их увидеть.

И тут он замер.

– Видеть? – удивился он своим собственным мыслям. – Что это? Вспоминай.

Острая боль пронзила огонек с такой силой, что колышущееся от вибраций пламя сознания чуть вновь не угасло. Но взамен на эту боль неизвестно откуда пришел ответ на его вопрос.

– Видеть! Зрение! – радостно воскликнул огонек. – Я хочу узреть все!

Но все попытки как-то повлиять на свою оболочку разбивались о ее твердый как камень панцирь. Заточенное сознание изо всех сил пробовало заставить свое тело двинуться, но все было безуспешно. И каждая новая неудачная попытка вгоняла в отчаяние молодой пробудившийся разум. Поток неведанных ранее эмоций захлестнул его с такой силой, что чистое и еще не окрепшее сознание огонька изменилось раз и навсегда.

И вновь боль острой иглой пронзила бьющееся в панике пламя, неся с собой абсолютно новое для него слово – ярость. Все вокруг замерло. Даже ощущения, которые несли в себе волны, на миг отошли в сторону, дабы уступить место совершенно новому, иному чувству. Первой яркой и осознанной эмоции, которая

мгновенно превратила маленький огонек в безудержное пылающее пламя. Оно заполняло все доступное ему пространство твердого тела, даруя ему жизнь и получая в ответ еще одно новое ощущение.

Теперь пламя знало о себе еще больше. Свой рост, облик и даже то, что новообретенное чувство зовется страшным и непонятным словом – проприоцепция. Все его тело стало одним огромным приемником окружающих вибраций. Они все тем же безумным, хаотичным потоком шли со всех сторон, но теперь они были более четкими.

– Двести тридцать семь маленьких и двенадцать больших, – вдруг неожиданно для самого себя сосчитал огонек. Но тут же понял, что их число постоянно меняется. Одни источники вибраций исчезали, оставляя за собой едва колышущийся след, но на их замену приходили все новые и новые. Они медленно проходили мимо, то и дело останавливаясь рядом с замершим телом пламени. И тогда вибрации становились иными. К общему гаму добавлялись легкие и очень нежные волны, исходившие от остановившихся рядом объектов. – Они что, общаются? Они живые?

И вновь острая боль пронзила огонек.

– Жизнь! – воскликнул он и задумался. – А я живой? Кто я?

Новые вопросы наваливались со всех сторон, но ответа так и не поступало. И огонек решил сосредоточиться на том, что было ему доступно. Он все глубже и глубже прислушивался к вибрациям, пронизывающим его тело. Долго. Очень долго.

Огонек внимал каждой, даже самой крохотной волне, моментально определяя ее источник, и фокусировался на нем. Он моментально переключался между объектами, и спустя какое-то время в его разуме сформировалась схема окружающего его пространства. Но самое главное, что ему удалось ощутить, —рядом с ним стояли еще девять точно таких же существ. Волны огибали их твердые тела, словно вода камень. И контуры их оболочки проступали пустотой в сплошном потоке вибраций. Ощутив это, огонек впервые за все свое короткое существование понял, что он не один.

Он пытался докричаться до них, но все было безуспешно. Некому было внимать его голос.

– А если они, как и я, ощущают эти волны? – вдруг подумал огонек. – Может быть, я смогу сам производить их, чтобы поговорить с ними?

И он полностью сконцентрировался на волнах в своем собственном теле. Окружающий мир на время потерял для него какую-либо значимость. Волны медленно проникали в оболочку, сливаясь в сплошную резонирующую массу. Он старательно удерживал их внутри, не давая вибрациям выйти за пределы своего тела. А спустя какое-то время огонек ощутил, что накопившиеся внутри него самого волны, слившись в один сплошной поток, совершенно по-другому воспринимают приходящие извне колыхания. Они уже не проникали так глубоко в его тело, не окутывали маленький огонек, как в самом начале. Но, попадая внутрь, вибрации сливались с общим потоком, усиливая его с каждой секундой. А вместе с этим обострялось его восприятие. Появлялись новые объекты. Совсем маленькие. Они бегали глубоко внизу, летели где-то высоко над головой. Издавали мерзкие дребезжащие звуки.

– Звук? – удивился огонек, и боль вновь прошла по нему, оставляя за собой всю информацию об этом слове. Он пока не совсем понимал, о чем речь, он и раньше слышал подобные вибрации, но эти были куда отчетливее. Они были другими, резкими и неприятными. Но они надолго привлекли внимание огонька. Для него это стало интересным занятием, какое-то время он пытался понять, что же таится в этих противных дребезжаниях, идущих сверху? И сам не заметил, как начавшие привыкать к окружающим звукам чувства ловили все новые и новые источники. Сперва он услышал громкие, хаотичные звуки, идущие от небольших объектов, которые сплошным потоком проносились мимо него на большой скорости. Некоторые из них двигались мягко и относительно тихо, другие же тряслись и вибрировали так, словно вот-вот развалятся на части. А третьи тихо и медленно двигались вокруг, время от времени останавливаясь рядом с огоньком или кем-то из его соседей.

И тут он неожиданно ощутил, как что-то коснулось его. Такое мягкое и нежное. Он едва ощущал это прикосновение, но надолго запомнил его. Оно несло в себе что-то глубокое и непознанное ранее. Теплое и живое. И настолько приятное, что огонек тоже захотел так же к кому-то прикоснуться. Вибрации, окружающие его, подсказывали, что до него дотронулся кто-то совсем маленький. Другой объект поднял его и поставил рядом с замершим в ожидании огоньком, а тот в

свою очередь схватился за застывшее тело и обнял его. И тогда огонек впервые ощутил тепло. Нет, не физическое, это тепло было иным. Оно почему-то очень обрадовало огонек. И он не заметил, как накопившиеся внутри его тела вибрации словно замерли от нового чувства – расслабленности. Поток волн моментально заполнил каждую частичку застывшего тела, заставляя его начать медленно-медленно колыхаться.

И вновь он не заметил сам, как его чувства обострились, внимая всей доступной информации из окружающего мира. Объекты, которые двигались вокруг него, стали более четкими. Их тела были мягкими, но настолько сложно устроенными, что на анализ огонек потратил очень много времени. Внутри тел был каркас из тонких, но чуть более твердых частей. За движения же отвечали постоянно сокращающиеся и эластичные фрагменты. У кого-то их было много, у других мало. Но то, что особенно заинтересовало огонек, были иные части тела внутри крохотных тел. Они работали совместно в одном общем темпе. И, естественно, точно так же вибрировали.

– Значит, вот как они двигаются. Их тела мягкие. А мягкие они потому, что пропитаны колыханиями. Они не накапливают их, а создают сами, – размышлял огонек, внимательно изучая все, что происходит вокруг. Идущие со всех сторон вибрации несли ему море информации. Обострившееся чувство восприятия буквально кричало о том, как работает опорно-двигательный аппарат в телах, проходящих мимо, по какому принципу движутся эти быстрые объекты побольше, и даже то, как резонируют неподвижные сооружения вокруг.

– А ведь они тоже не движутся. Но от них исходят вибрации, – подумал огонек. И в этот самый момент его посетила идея. – А могу ли я направлять вибрации внутри своего тела для того, чтобы двигаться?

И стоило ему только задуматься об этом, как бушующий внутри его оболочки поток волн подчинился. Он моментально ощутил, как твердое неподвижное тело стало становиться мягким и податливым. Но было и чувство, которое одновременно удивило его и заставило волноваться. Стоило ему почувствовать мягкость своего тела и сделать первое движение головой, как он тут же ощутил, как однажды уже двигался. Когда-то давно. Очень давно. А тело все продолжало и продолжало отзываться на все его команды. Он настолько наслаждался этим ощущением, что совсем позабыл о сотнях объектов, которые замерли, наблюдая за тем, как десяток каменных атлантов, удерживающих на своих плечах балкон музея, одновременно покинули свои места и направились в

сторону людей медленным, слегка неуклюжим шагом. Столпившиеся замерли в ожидании того, что произойдет дальше. Паника, вызванная неизвестностью, сковала их настолько, что даже простой первобытный страх не мог заставить их двигаться.

– Они смотрят на меня, – подумал огонек. – Надо что-то сказать. Но как?

Задумавшись об этом, он медленно сел около столпившихся людей и направил вибрации в своем теле, пытаясь симулировать те волны, которые издавали люди при общении.

– Кхо я… – разнеслось хрипящее эхо. Над округой нависла тишина, и лишь удивленные перешептывания время от времени достигали огонек в виде вибраций. Но он отчетливо знал, что они его понимают. – Кхо я? Ответь!

Его речь еще требовала практики. Но он был абсолютно доволен складывающимся результатом.

– Ты атлант! Мама говорила, ты и твои братья охраняете наш город, – вдруг воскликнуло маленькое и невероятно хрупкое существо, стоявшее с краю от толпы. Огонек понял каждое слово. Но самое главное – он уловил ту чистую детскую наивность и безмерное желание добра от этого маленького существа. На мгновение он вспомнил то, как его касались. Он медленно приблизил руку к ребенку и попытался как можно аккуратнее взять его двумя пальцами… Но так вышло, что он недооценил хрупкость юной человеческой жизни. Взревевшая в ужасе толпа хаотично заметалась из стороны в сторону, снося все на своем пути. Огонек отчетливо ощущал, как они в панике несутся прочь от него, порой сбивая с ног и топча другие маленькие объекты, от чего вибрации в их телах быстро угасали. Он не понимал, что произошло. И продолжал стоять, неподвижно глядя на разгорающийся вокруг хаос с маленьким мертвым телом в правой руке.

Кровь медленно стекала по лицу Кирилла, собираясь на кончике носа и капая в уже успевшую образоваться под ногами лужу. Адская боль сковала его тело. Он сидел, пристегнутый к своему креслу, уткнувшись лбом в спинку перед ним. Онемевшее от боли тело отказывалось двигаться. Даже глаза нехотя поддавались на команды мозга, старательно изучая всю доступную в данный момент область восприятия.

– А не слишком ли много крови под моими ногами? – пронеслось в голове Холодова. И правда. Картина, оказавшаяся перед его глазами, выглядела так: красный, залитый кровью пол салона самолета. И ноги самого Кирилла.

– Помогите… – попытался произнести он, но вместо слов из его рта вылетели лишь хрипы, а грудная клетка отозвалась сильной больно. Еще не успевший восстановиться организм вновь получил травмирующие перегрузки. Но самое страшное было то, что вокруг была тишина. Настолько глубокая, что Холодов отчетливо слышал легкое бульканье, издаваемое падающими с его носа каплями крови при приземлении. Он был один. По крайней мере, в сознании. Холодов не знал никого из пассажиров, кроме своего соседа, но надеялся, что выжили все. Надеялся, но сомневался. Собравшись с силами, он оттолкнулся от спинки стоящего перед ним кресла и откинулся назад. И тут же пожалел об этом. Салон был залит кровью. Ну как салон? В метрах четырех от Кирилла он заканчивался. Не поворачивая головы, он продолжил изучать глазами свое положение. Обзор был небольшой, так как почти все закрывало стоящее перед носом сиденье. Единственное, что он смог разглядеть, – это кусок металлической обшивки, сорвавшийся откуда-то сверху прямо на место его соседа. Раздавленная в кровавое месиво голова мужчины напоминала сцену из компьютерной игры. Глядя на это, Холодов не хотел верить в происходящее. Но факт остается фактом. И с этим надо что-то делать. Остаться на месте и помереть рядом со своим еще недавним собеседником он не желал.

– Видимо, падение было не особо контролируемым, – пронеслось у него в голове, и тут же, как это бывало в экстренных ситуациях, мысли Холодова стали спокойные и сосредоточенные. – Двигаться я не в состоянии. Либо поврежден позвоночник, либо болевой шок. Скорее всего, второе, потому что тогда я бы не ощущал боли в ногах. Это хороший признак.

И тут его осенило. Лекарства! Сильное обезболивающее, которое ему выписали в больнице, было у него в нагрудном кармане рубашки. Главное – дотянуться. Стиснув зубы, он поднял правую руку и потянулся к карману. Тело отозвалось резким нервным импульсом, пронизывающим так, словно пытался разорвать его мышцы на тысячи маленьких кусочков. От боли разум спортсмена помутился и он чуть снова не потерял сознание. Нельзя было этого допустить. Некоторое время он возился с пластиковой баночкой, на которой было написано «Викодин».

– Кто, вашу мать, придумал эти чертовы колпачки с защитой от детей? – проклинал неизвестного изобретателя Кирилл.

Как только крышка открылась, половина таблеток успешно упали в лужу крови под ногами. Дрожащими руками поднеся баночку к губам, Холодов кое-как открыл рот и языком подцепил несколько таблеток. Едва не теряя сознание от боли, он раскусил их и проглотил. В порошковом состоянии они быстрее попадут в организм, поскольку желудку не нужно будет тратить время на растворение оболочки. И не прошло пяти минут, как боль, сковывающая тело, стала исчезать, а на ее место пришло плавно нарастающее опьянение. Гидрокодон опиойд, входящий в состав «Викодина», является наркотическим анальгетиком и вызывает некую эйфорию. Кирилл же, судя по всему, изрядно превысил дозировку. Но нет худа без добра. Расслабленное тело стало слушаться. Он сам не заметил, как отстегнул ремень безопасности, удерживающий его на кресле, и встал. Холодов старался не глядеть на раздавленную голову соседа. А потому, повернувшись к нему спиной, стал протискиваться в сторону центрального прохода салона.

Открывшийся вид ужасал. Настолько, что желудок спортсмена чуть не выплеснул свое содержимое наружу. Допустить Холодов этого не мог. «Викодин» все еще растворялся. Об этом свидетельствовало нарастающее опьянение, которое вовсю дурманило голову. Но он мог двигаться. Это было главным.

Смерть была повсюду. Первым делом Холодов принялся осматривать других пассажиров в поисках выживших. Увы, это было бесполезно. Единственный, кто ему попался, был теряющий последние капли крови парень. Пустыми, потерявшими надежду глазами он смотрел на Холодова и, сделав последний выдох, умер. Даже если бы он нашел его чуть раньше, сделать он бы все равно ничего не смог. Из живота парня торчал острый осколок иллюминатора, а выпавший наружу кишечник обвивал его ноги, словно змея.

Сильно хотелось пить. А потому следующие несколько минут были потрачены на поиски воды. На том, что он выжил, удача Кирилла не закончилась. Пройдя в помещение, где обычно сидели стюардессы, он обнаружил открытые ящики. В одном была заветная жидкость. Упав на колени, «наркоман поневоле» принялся пить. Живительная влага охлаждала горящее тело. Не отрываясь от бутылки с водой, он стал осматриваться и еще раз убедился, что удача не покинула его. Белый ящичек с красным крестом лежал в паре метров от него в выпавшей из

шкафа выдвижной полке. Да не один! Набор аптечек для оказания первой помощи был подарком небес! В надежде, что там все цело, Холодов бросился к нему и дрожащими руками сорвал пломбу. Перекись водорода, бинты, множество разных таблеток и, самое главное, обезболивающих. Фортуна была благосклонна. Но Кирилл больше не мог находиться в самолете. От одной только мысли, что ему придется снова идти через полный мертвых пассажиров салон, ему становилось дурно. Взяв в руку пару бутылок воды и две аптечки, сдерживая рвотные позывы, направился наружу. Он старательно смотрел только перед собой, чтобы не видеть происходящего вокруг хаоса. Мужчины, женщины, дети… Смерть не щадила никого. А его пожалела. Он, не задумываясь, отдал бы свою жизнь за любого из этих мертвых ребятишек. Но, увы, это так не работает.

Как только на шатающихся от «Викодина» ногах он вышел из самолета, сделав еще пару шагов до ближайшего дерева, Холодов рухнул на землю и замер, блаженно уткнувшись лицом в холодную от росы траву.

– Скоро прибудут спасатели. Исчезновение самолета не могло остаться незамеченным. А потому надо как-то протянуть до их прибытия, – вертелось в голове Кирилла. Он перевернулся на спину и некоторое время лежал с закрытыми глазами, пытаясь прийти в себя. Но окружающая действительность давила на него. Образы мертвых людей рвали его сознание на части, пытаясь свести с ума. Их покрытые алой кровью пальцы впивались в него своими ногтями и тащили за собой в бесконечную тьму. Кирилл ощущал, как силы окончательно покидают его. Видимо, действие адреналина в крови начинало заканчиваться, оставляя Холодова без сил. Но засыпать сейчас было никак нельзя. Собрав остатки всей своей воли, он открыл глаза и привел свое тело в сидячее положение. Первым делом он взял в руки аптечку и, достав перекись с бинтами, принялся обрабатывать раны на голове. По большей части он отделался относительно глубокими порезами и солидных размеров гематомами на правой стороне головы. Холодов умел оказывать первую помощь, но сделать это самому себе было непростой задачей. Чтобы хоть как-то упростить это дело, он достал из кармана телефон. Дисплей, на зеркальные свойства которого он так рассчитывал, треснул, но с левой стороны экрана оставался довольно большой кусок целого стекла.

Кое-как ориентируясь по маленькому кусочку зеркальной поверхности, он промыл раны и внимательно осмотрел их. Местами порезы были меньше, чем он думал, видимо, были задеты какие-то вены, потому столько крови. Но удача не могла учесть всего. Либо просто не хотела. На левой теменной части головы

была рана, которую было необходимо срочно зашить. Видимо, кусок обшивки, убивший его соседа, задел и самого спортсмена. Иначе он не мог объяснить появление данной травмы.

Открыв вторую аптечку, он достал новый бутылек перекиси и бинты. Пошарив еще в поисках ниток и иголки, Кирилл был огорчен, так как таковых там не было. А это значило, что в поисках этих необходимых вещей ему придется вернуться в самолет.

– Не сегодня, – сам себе прошептал Холодов и, свернув бинт в несколько слоев, приложил его к ране и примотал к голове. Давящая повязка должна была помочь на некоторое время. По крайней мере, уменьшить отток крови.

Ему везло. Невероятно везло, а не понаслышке знакомый с капризами госпожи Удачи, Кирилл понимал, что это не просто так. Как человек, профессия которого заставляла его балансировать на грани жизни и смерти, он знал одну простую формулу. Если тебе в чем-то сильно везет, значит, скоро судьба потребует свои «инвестиции» обратно. Причем, как правило, с процентами. Ему подфартило выжить при падении со скалы. Но он сел в самолет с неисправностью в двигателе. Ему единственному удалось выжить при крушении, но состояние его тела критическое. И неизвестно, чего ждать впереди. Это лес. Тут может быть все, от ядовитых змей до голодных хищников. Последнее, кстати, особенно начало волновать его. Они могут прийти на запах крови. А ее тут достаточно. Значит, нужен огонь. Они вряд ли выйдут к огню. Прятаться в самолете Кириллу определенно не хотелось. Но, чтобы сделать большой костер, у него просто не было сил. С остатками энергии у него вообще было печально. Его начинало морозить. Холод пронизывал его тело вместе с приглушенной «Викодином» болью. А глаза закрывались сами собой. Единственным решением было переждать в самолете. В таком состоянии было опасно оставаться снаружи.

От одной мысли, что ему сейчас придется возвращаться туда, тело начинало отзываться рвотными позывами и сильным головокружением. Но выхода не было. Он должен где-то отдохнуть и восстановить силы.

Со всей внимательностью, которая была доступна его затуманенному чередой травм и «Викодином» разуму, Кирилл принялся осматривать видимую ему часть самолета. Это был хвост железной птицы. Где упокоилась другая часть, его сейчас не интересовало. Но он вновь убедился в своем везении. Как правило, бензобаки в самолетах расположены в крыльях, коих сейчас не было в пределах

видимости. А значит, опасаться неожиданного взрыва не следовало. Но атмосфера смерти, царящая в остатках салона, была невыносима. Как можно быстрее преодолев его, он наткнулся на двери аварийного выхода. Тамбур, в котором они находились, разделял пассажирские места и служебное помещение, в котором обнаружилась небольшая дверь. Поспешив к ней, Кирилл был приятно удивлен. Техническая зона! Закрытая часть самолета! Хорошая прочная дверь была в состоянии спасти его, даже если в салон самолета залезут голодные звери. А там уже и спасатели прибудут. Еще некоторое время он потратил на то, чтобы отнести туда несколько аптечек, с десяток бутылок воды и коробку быстрых обедов, валявшихся по всей комнате служебного помещения. Видимо, тут была расположена кухня самолета. В такие моменты Кирилл был готов начать молиться Всевышнему и благодарить. Но его отношения с божественным всегда ограничивались одной простой фразой: «Я в тебя верю, но давай будем просто друзьями?». А потому молиться только в такие моменты искренности он считал несколько лицемерным.

– Спасибо, дружище, – все слова, которые произнес Холодов. Но его сердце считало, что Богу этого будет достаточно. Искреннее «спасибо», идущее из глубины благодарной души, куда приятнее, чем долгая и нудная вызубренная до малейшей запятой молитва. И только фанатик скажет обратное.

Глава вторая

Война, ставшая началом конца, пронеслась по всему миру, оставляя за собой лишь мертвые города и залитые кровью улицы. Звуки живущих полной жизнью городов сменились на мертвую тишину, время от времени прерываемую свистом ветра, гуляющего между брошенными руинами. Пустые, еще не так давно полные жизни проспекты напоминали лишь жалкие следы правившей цивилизации. Следы, по которым беспощадно прошлась темная фигура в мантии с капюшоном и косой на плече.

Они спали. Почему-то ночь лишала их возможности двигаться, но на их место тут же приходили звери. Жестокие чудовища из черного, словно обсидиан, камня несли волю своих спящих владык. И убивали каждого, кто осмеливался приблизиться к ним. А таких было немало. Эти мягкие и слабые существа слишком надеялись на свое плюющееся металлом и огнем оружие. Каждая их

попытка нанести удар оканчивалась новыми алыми следами на улицах заброшенных городов.

Звероподобные твари были верными ночными стражами своих владык. И не просто так! Черные фигуры сливались с самой сутью ночи и двигались на такой скорости, что попасть в них было практически невозможно. А медленные снаряды танков и минометов лишь поднимали пыль, сквозь которую тут же вылетала каменная орда. Они не оставляли живых. В этом не было совершенно никакой необходимости. Война муравья с тапком. Настолько плачевна была ситуация, в которой оказалось человечество.

Оторванные конечности людей торчали из-под завалов зданий и перевернутых машин. А едкий запах жженого кальция до сих пор исходил от еще не успевших остыть танков и другой бронетехники, которую люди наивно пытались использовать против пробудившихся существ. Одного удара могучей лапы по башне хватало, чтобы деформация корпуса не давала пассажирам покинуть бронированную технику. А взрывающиеся внутри снаряды и лопнувшие от точных ударов бензобаки мгновенно превращали «укрытие» в жестокую, пылающую изнутри ловушку.

Власть над миром почти мгновенно перешла в другие руки. Более крепкие, с могучей хваткой. Днем правили те, кто еще не так давно был создан людьми для того, чтобы увековечить память о великих деятелях. А ночь превращалась во время охоты для их цепных зверушек.

Первые лучи утреннего солнца медленно скользили по городу. Размеренно и неизбежно полоса света двигалась вперед, освещая все больше и больше открытого пространства. Довольно крупный фонтан, точнее его обломки, стали постоянным местом ночлега для каменных захватчиков. И стоило первому лучу света скользнуть по застывшему в состоянии сна исполину, как его тело дрогнуло под воздействием пробуждающих вибраций. Первые его движения были медленные и несколько неуклюжие. Но каждая секунда бодрствования делала их более четкими и быстрыми. Успевшее застыть и охладиться тело вновь набирало свои обороты. Исходящие от огонька сознания вибрации требовали некоторого времени, чтобы наполнить собой твердую оболочку. Ведь именно они стали той самой силой, которая помогала управляться со столь прочным и непоколебимым телом.

Они не различали запахи. Да и зрения в привычном его понимании у них также не было. Вместо всего этого они ощущали вибрации, окутывающие этот мир. И воспринимали их настолько четко, что без труда могли почувствовать, как в паре кварталов от них упал кусок шифера, сорвавшийся с поврежденной снарядом крыши. Словно сонарное зрение летучих мышей, основанное на принципах эхолокации, оно улавливало даже самые слабые пульсации пространства. Вот и сейчас оно сообщило о падении каких-то обломков на чудом уцелевшую брусчатку. Колебания от падения четкой волной разносились по земле, оповещая пробудившихся о наличии движения в той стороне. Только вот памятники отлично понимали, на что следовало обращать внимание, а на что нет. И одинокая волна, раздавшаяся с центра города, хоть и была сильной и четкой, но даже она не смогла отвлечь проснувшихся от десятка быстрых колебаний, идущих со стороны раскинувшегося через реку моста.

– За ними, – прозвучал четкий и ясный приказ лидера. Его облик был словно вырван из мифов Древней Греции. Красивое рельефное тело было достойно того, чтобы руки скульптора увековечили его. Но даже будучи богом Аполлоном, первая эмоция, которую он вызывал, была страхом. Паническим и сковывающим, словно паралич. Его некогда блестящее в лучах солнца бронзовое тело было покрыто засохшими пятнами крови и копоти от горящей техники. А прекрасная лира, покоившаяся в правой руке юноши, треснула и обломилась, превратившись в самое настоящее оружие. Два острых шипа, напоминающих рога быка, зажатые в металлической руке, жаждали боли и азарта охоты.

Они двигались быстро. Невероятно быстро. Десять огромных фигур из камня и металла неслись через руины города в сторону убегающих по мосту людей. Семеро из них передвигались простым, но крайне быстрым бегом, распинывая в стороны брошенные автомобили, словно пустые коробки. Остальная троица была несколько меньше своих собратьев, но это давало им иное преимущество. Словно дикие звери, они передвигались по крышам домов, то и дело проваливаясь на чердаки. Время от времени собственный вес играл с ними злую шутку, и они, проломив крышу, оказывались в жилых комнатах квартир советских пятиэтажных домов. Периодически они замирали, вглядываясь вдаль, и тут же срывались с места, ведя за собой бегущих понизу преследователей.

– Только ваш наивный разум мог допустить мысль о том, что вы сможете скрыться, – произнес приземлившийся прямо перед бегущими людьми греческий бог. Еще пару секунд назад он бежал позади них, но стоило ему оказаться ближе к середине моста, как он в один прыжок разорвал разделявшее их расстояние.

– Прошу вас… – только и смогла произнести девушка, крепко прижимающая к себе крохотное, завернутое в сверток тельце. Между нею и Аполлоном стоял мужчина крепкого телосложения. А позади них замерло еще семь человек. Скованные страхом, они были не в состоянии двинуться. Но это все равно было бы бесполезно. Ведь памятники уже взяли их в полукольцо, отрезав им путь по мосту.

– В воду, – едва слышно прошептал мужчина, подхватывая на руки девушку с ребенком. В три широких шага он оказался у края моста, и стоило его рукам перенестись через массивные кованые перила, как его грудную клетку буквально разорвало от могучего удара. Мгновенно обвисшие руки отпустили девушку, и она полетела навстречу твердой водной глади. Живых людей на мосту более не оставалось.

– За ней, – скомандовал Аполлон, и ближайшие к краю исполины, не задумываясь, сиганули в воду. И тут его словно прошибло. – Стоп!

Его вопль эхом разлетелся по замершему городу. Непонятное чувство, идущее неизвестно откуда, сковало его. И он замер, прислушиваясь к нему. Пустота. Да. Именно она. А точнее пустота, образовавшаяся из-за того, что исчезло два вида вибраций. Именно те два вида, которые исходили от спрыгнувших вниз статуй.

– Да быть того не может! – по его телу вновь прошел плотный, но довольно хаотичный сгусток колебаний. И он тут же сорвался с места в сторону берега. За пару секунд преодолев мост, он спрыгнул на берег, направился в сторону воды, тут же заходя в нее по колено и прислушиваясь к ощущениям. Мягкая вода, окутывающая вибрирующие ноги, гасила колыхания, которые обычно пульсировали по телу, даруя способность двигаться. Но она лишь гасила их. Аполлон медленно пытался пошевелить пальцами ног. Бронза с неохотой отзывалась. Медленно-медленно пальцы ног проскребли пару борозд по гальке. Но о прежней скорости и речи быть не могло. Холодная вода почти мгновенно остужала нагревающийся от колебаний металл и подавляла почти все колыхания.

– В таком темпе они не скоро выйдут на берег, – пронеслось в голове греческого бога, и он в один прыжок оказался на берегу, где уже стояли остальные. Они внимательно наблюдали за лидером и ожидали приказа.

– В воду не заходить. Она замедляет нас, – первым делом приказал он. – Не знаю, как долго те двое будут добираться, но пока они не появятся, мы ждем их. Вы двое, на тот берег и смотрите там. Мало ли они выйдут в той стороне. Двое остаются со мной на этом берегу, а остальные на мост и пытайтесь засечь их сверху.

Стоило ему договорить, как дождавшиеся приказа памятники тут же понеслись выполнять его . Сам Аполлон лишь уселся на широкую каменную лестницу, спускавшуюся в сторону набережной, и начал думать, не понимая, что его собратья еще не одну сотню лет будут медленно превращаться в гальку на дне могучей реки. Вода не просто гасила колебания, она сводила с ума. Динамическая структура жидкости постоянно колебалась под воздействием течения и полностью лишала какой-либо ориентации в пространстве, забирая у разума саму суть восприятия окружающего пространства.

Состояние, в котором пребывал организм Кирилла, нельзя было даже близко отнести к норме. Лихорадка, подкосившая и без того ослабленного Холодова, была мучительной. Он не знал, сколько времени провел за закрытой дверью технического помещения. Каждое движение тела давалось с невыносимым трудом и болью. Он был слаб. Настолько слаб, что ему не хватало силы открыть пластиковый колпачок бутылки с водой, стоящей перед ним на расстоянии вытянутой руки. Все, что он мог делать, – это лежа смотреть перед собой, словно ожидая прихода старухи с косой. Но надежда, что его спасут, не покидала сердце юноши. Он не знал, сколько времени уже лежит в таком состоянии. Знание этих цифр потеряло для него всю свою ценность. И правда, какой от них толк, когда все, что ты можешь делать, – это лежать, не в силах встать, или спать так крепко, что даже взрыв бомбы не смог бы тебя разбудить?

– Почему никто не пришел? – эта мысль не покидала его голову уже долгое время. –Сколько вообще нужно времени спасателям, чтобы отыскать самолет? А сколько времени прошло?

И снова сон. Он уже не замечал этих переходов от бодрствующего состояния к спящему. Боль, сковавшая его тело, была невыносима. А жар и лихорадка, пришедшие ей на помощь, были словно издевкой судьбы.

– Лучше бы я помер при падении! – думал Кирилл. Хотя даже думать у него сейчас не было сил. Стоило его серому веществу напрячься, как почти моментально он проваливался в объятия Морфея.

Даосы считают, что у каждого человека есть свой путь, по которому он должен двигаться для достижения просветления. Многие из нас движутся по нему неосознанно, словно в бушующем потоке течения жизни. Другие же ни разу не задумывались о своем предназначении, которое подготовила им судьба. А оно есть. Но мы не пленники, лишенные выбора. Ни в коем случае. Мы вольны делать свой выбор, где и куда поворачивать. Но пока мы следуем этому пути, мы непременно однажды достигнем заветного просветления. Жизнь – это движение от точки А к точке Я по извилистой горной тропе. Она усеяна препятствиями, для каждого они свои. Идущему по пути фермера судьба пошлет пустыню под ноги. Следующему тропой войны на пути встретится враг, которого он должен будет победить. А тот, кого ноги несут по следам мудрости, однажды поймет, что тропа кончилась много миль назад и что все это время он шел по собственному пути. Но в том и заключается самое главное величие этого пути и его беспроглядная жестокость. Судьба будет благосклонна к сошедшему с тропы мудрецу, только если он движется в правильном направлении. Мудрец ли тот, кто заблудился на собственном пути? Все мы – дети Вселенной, и всех нас она сопровождает на протяжении нашей жизни. С кем-то она говорит через уста окружающих. А кому-то достаточно сияющей в небе звезды, чтобы понять, куда он движется. Так может ли сошедший с тропы назвать себя мудрецом, если он не понимает, когда ему подсказывают дорогу? Как мы теряем интерес к глупым людям, так и судьба однажды может перестать зажигать звезды над нашими головами. И тогда она сама переносит нас в конечную точку нашего пути, минуя долгий путь, который и является жизнью.

А пока у судьбы были на Кирилла иные планы. И она не желала его смерти, пока он не сделает то, что должен. Потому она тихо прошептала :

– Просыпайся…

Он открыл глаза и понял, что особо это не помогло. Беспроглядная тьма помещения, в котором от закрылся от окружающего мира, чтобы зализать свои раны, словно дикий зверь, давно не была для него чем-то необычным. Тут не было ни источников света, ни иллюминаторов, через которые бы сюда попадали лучи солнца. Но это было уже не нужно. Кирилл чувствовал себя куда лучше, чем при последнем пробуждении. Но сил все еще не было. И неудивительно.

Последнее время единственное, что попадало в его организм, – это обезболивающие и жаропонижающие лекарства, которые он нашел в самолетных аптечках. Скрипя зубами, он потянулся к пластиковой бутылочке и, наконец-таки открыв проклятую крышку, принялся жадно пить. Жидкость мягко обволакивала его пересохшую глотку, неся расслабляющий холодок организму. Словно избавившись от сковывающего грудную клетку спазма, Холодов сделал глубокий вдох и закашлялся. Затхлый воздух невентилируемой комнаты, в которой он расположился, был омерзителен. Но он все еще был очень слаб. И только сейчас Кирилл понял, насколько он был голоден. Разорвав пленку на контейнере с самолетным пайком, он уловил противный запах начавшего портиться мяса. Подавив рвотный рефлекс, подкативший к горлу, он выкинул куриную отбивную в дальний угол и принялся уплетать покрытый сладковатым соусом рис.

– Рис – это хорошо. Много калорий, а значит, энергии, необходимой для восстановления организма. Черт, как же хочется простого куриного супа! – думал Холодов. Но, увы, выбирать не приходилось. От одной только мысли о горячем теплом бульоне он чуть не взвыл, а проснувшийся желудок требовательно сообщал мозгу, что голоден.

Расправившись с рисом, Холодов подтянул к себе следующий контейнер с едой. На этот раз ему повезло. Тушеная картошка с говядиной была еще в пригодном для употребления состоянии, а потому надежда получить необходимый белок вновь распустилась, заметно повышая настроение пришедшего в себя парня.

Когда с трапезой было покончено, Кирилл подошел к двери, разделяющей его с «комнатой трупов», и стал внимательно прислушиваться. Было слишком тихо. Холодов огляделся в надежде отыскать в темном помещении хоть что-то, чем можно будет отбиваться. Увы, кроме валяющихся под ногами лекарств, бутылок из-под воды и контейнеров с едой, в технической комнате находилась только какая-то неизвестная Холодову аппаратура. Он понятия не имел, для чего служили эти приборы.

Слегка приоткрыв дверь, Кирилл ощутил, как резкий поток свежего воздуха ударил ему в лицо. От неожиданного насыщения кислородом у него слегка закружилась голова, а все еще слабое тело чуть шатнулось, и он оперся плечом на дверь, открывая ее все шире и шире.

Диких зверей, чьего появления так опасался Холодов, в салоне не было. Единственное изменение, которое произошло во время его «спячки», было появление мерзкого запаха. Дернув рычаг аварийного выхода в хвосте, он открыл проход и буквально выпал из него, кашляя от омерзительного запаха гниющей плоти. Упав на четвереньки, он корчился от спазма в глотке. Еда, переваривающаяся в желудке, рвалась наружу.

– Черт возьми! Да сколько же я спал? – за день-два тела не могли начать так сильно пахнуть. Учитывая, что жары не было, а в салоне сохранялась прохлада.

В свое время Кирилл встречался с девушкой медиком и перед экзаменами помогал ей с учебой. Ему всегда нравилась медицина, но, увы, химия молодому человеку не давалась, а потому о мечте стать врачом можно было забыть. Но в остаточной памяти то и дело всплывали те или иные медицинские факты. И один из них сейчас не давал Кириллу покоя. По трупам можно определить, сколько времени прошло с момента падения.

Существует огромное количество признаков, указывающих на время смерти. Увы, все знания криминалистики были недоступны Холодову, но ему хватило и тех, что имелись. Стоило ему приблизиться к телу, он сразу увидел грязновато-зеленую венозную сеть, покрывающую видимые участки тела. Подобное явление говорит о гниении кровеносных сосудов и проявляется на третий или четвертый день после смерти. Минимум три дня. От этой цифры Кириллу стало не по себе. Либо их никто не ищет, чего просто не может быть, либо их все еще не могут найти. А значит, надо помочь спасателям. Он пролежал трое суток, приходя в себя, а потому теперь нужно действовать. Слишком много времени было потрачено.

Холодов обошел остатки самолета и был удивлен находке, которая ожидала его с обратной стороны от аварийного выхода. В дыре хвостовой части виднелся лежащий в грузовом отсеке багаж. Прихрамывая, он поспешил туда и, протискиваясь в дыру, стал внимательно осматриваться. Солнечного света, пробивавшегося в комнату, определенно не хватало для внимательного изучения находки. И Кирилл принялся выкидывать валяющиеся на полу чемоданы наружу. Багажа было не так много, пятнадцать чемоданов и то, от чего сердце парня начало выть от боли. Клетки с погибшими при крушении животными. Холодов обожал пушистых друзей. И сейчас, видя это, ему хотелось выть. Скрипя зубами и время от времени промакивая рукавом глаза, он выкинул багаж наружу и поспешил покинуть это место, чтобы больше не заставлять себя

смотреть на все это. Его трясло. Вид мертвых собак и кошек подкосил его сильнее, чем он думал. У каждого человека свой уровень чувствительности. Кто-то плачет, когда срывают цветочек, а кто-то без единой слезинки переносит гибель любимого человека. Это не значит, что он бесчувственный. Поверьте, его сердце разрывается точно так же, как и ваше. Просто он не показывает окружающим своих эмоций. Кирилл же был из той группы людей, которые животных любят больше, чем самих человеков. Он говорил, что если ему придется делать выбор, кому помочь, человеку или животному, то выберет второе. Люди сами способны позаботиться о себе. Человеческий организм невероятно универсален, и искать причины прекратить свое развитие, аргументируя это потерей конечности или еще чем-нибудь, жалко и глупо. Волк, потерявший лапу в капкане, не перестает охотиться. А лишившийся ноги человек с вероятностью девяносто процентов будет ныть и жалеть себя до конца жизни. И требовать того же от других. Хотя ему ничего не мешает начать развивать свой мозг или искать иные виды развития. Как бы это жестоко ни звучало, но это было мнение Холодова. И оно строилось на личном опыте. Еще в школьные годы он ходил в тренажерный зал и часто видел там одноногого спортсмена. Он каждый день приходил туда и усиленно занимался, не щадя себя. Он помнил, как все посетители, столпившиеся вокруг этого мужика, аплодировали ему, когда тот одной ногой вытянул вес сто восемьдесят килограммов на тренажере. А он просто посмотрел на окружающих и сказал:

– Спасибо, конечно, но не стоит придавать этому такое значение. Я просто занимаюсь спортом.

После Кирилл узнал, что этот мужик работал строителем, когда произошел несчастный случай. Бетонная плита рухнула не него, превратив его ногу в месиво. Но сила воли этого человека просто не позволила ему превратиться в жалеющего себя маргинала. Понимая, что на стройке он больше не заработает, он стал изучать дизайн интерьеров и спустя каких-то полгода открыл свою студию.

Но в жизни Кирилла был и другой обратный этому пример. Его студенческий друг во время бега повредил колено. После трех операций ему сказали, что с профессиональным спортом покончено. И пошло-поехало. Злость на окружающий мир превратилась в жалость к себе, она же в свою очередь медленно переросла в стабильный алкоголизм, а его со временем сменило пристрастие к наркотикам.

Так что же отличает человека, который без ноги создал для себя новую жизнь? И человека, который, просто повредив ногу, стал никем? А я вам отвечу. Лень и сила воли. К сожалению, подобных положительных примеров единицы. Но обратных ему – тысячи. Кирилла всегда злило подобное отношение людей к самим себе. И в почве этой злобы пустила корни легкая мизантропия. Нет, он ни в коем случае не был злым человеком. Но животных он любил больше. И именно поэтому его сердце так сильно болело от увиденного в багажном отделении зрелища.

Трясущимися руками он принялся осматривать содержимое чемоданов. Почти ничего, кроме одежды, каких-то пластиковых игрушек и предметов личной гигиены, там не было. Но пара вещей, в которых Кирилл в данный момент нуждался как рыба в воде, все же присутствовали. Бензиновая зажигалка ZIPPO и подарочный набор к ней. Такие обычно продаются в аэропортах. Обычно там какая-нибудь фляжка, ручка, открывашка и зажигалка с бутылочкой бензина и запасными кремнями. Холодову повезло: в найденном наборе также был небольшой мультитул – ножик с множеством выкидных лезвий для разных нужд. Пила, отвертки и так далее. Качество, конечно, оставляло желать лучшего, но в тот момент он был невероятно рад этим находкам. А когда он взял в руки небольшую флягу с выгравированным на ней рисунком компаса, обрадовался еще больше. Она была не пуста. Открыв ее, он ощутил приятный запах, какой бывает у довольно приличного виски. Подарок судьбы почти мгновенно поднял ему настроение, он положил флягу рядом с мультитулом и зажигалкой. Пить алкоголь в данной ситуации он считал безответственным. Помимо фляги в наборе также был маленький компас, работоспособность которого была под большим вопросом. А потому требовала проверки «природными» методами. На этом приятные находки Кирилла были окончены. Но он нашел, чем развести огонь! И радость от этого почти заглушила ноющее от неприятного зрелища сердце.

Пластиковые игрушки, плавящиеся в костре, обильно придавали дыму черноты. Если их ищут, то не заметить этот черный столб было бы просто невозможно, а значит, ждать осталось недолго. Взяв последний пригодный к употреблению контейнер с едой, остальные протухли либо покрылись плесенью, Кирилл залез на крышу останков хвоста и принялся есть. Виски из фляги было выпито за упокой погибших. И сейчас Холодов лежал на нагревшейся под солнцем крыше и отдыхал. Боль стала заметно меньше, но все еще оставалась сильной. А потому усталость почти не покидала его тело. Учитывая, что последние силы были потрачены на сбор дров и поиски сухостоя, который он успешно повалил для костра, Холодов вообще был удивлен, что стоит на ногах. А потому, решив, что

заслужил небольшой «сытый» отдых, он поудобнее устроился на теплом металле и снова уснул под громкий треск костра. Гореть он должен был еще очень долго.

Проснулся Холодов глубокой ночью. Металл, на котором он лежал, успел остыть. Собственно, его холодная поверхность и была причиной пробуждения Кирилла. Он поежился от прохлады и принялся спускаться к костру, который все еще горел, но огромное пламя, танцующее на полыхающих бревнах, превратилось в едва колышущиеся на догорающих углях языки. Холодов порадовался своей предусмотрительности: прежде чем разжечь костер, он с запасом набрал дров. Неподалеку от костра валялись еще с десяток переломанных сухостоев. Именно переломанных. У Кирилла не было ни пилы, ни топора. А потому поваленные деревья он ломал при помощи двух растущих рядом деревьев, используя принцип рычага. Старый проверенный метод, таким образом можно заготовить дров, прикладывая минимум усилий, если использовать мертвые деревья, по довольно большому наличию которых Холодов понял, что находится в глубоком лесу. Если бы тут вблизи были деревни или хотя бы туристические зоны, эти деревья давно бы вырубили. А потому крушение самолета произошло в отдаленном от населенных пунктов районе. Может быть, поэтому их так долго не могут найти? Он все еще не терял надежды.

Подкинув дров и вновь раздув пламя, он уселся на земле поближе к костру.

– А тут довольно холодно, – вслух подметил он. Вытащив из костра ветку покрупнее, он подождал, пока она загорится от основного пламени, и отправился к дыре в багажный отсек. Возле нее он оставил валяться чемоданы и сейчас хотел найти какую-нибудь теплую одежду. На этот раз ему не повезло. Ничего полезного, кроме кроссовок и штанов с множеством карманов цвета хаки, найдено не было. Только летняя одежда да нижнее белье. Видимо, запас его удачи подходил к концу. А это означало только одно. В ближайшее время ему вновь предстоит проявить себя, дабы доказать судьбе, что она не зря так бережет своего любимчика. И потому Холодов принял решение перенести чемоданы с их содержимым к костру и устроить из них импровизированную кровать. Спать на земле в его состоянии было глупо. Неизвестно, как бы это сказалось на и без того истощенном организме.

Десять набитых вещами чемоданов были разложены по высоте, что позволило плоскости «кровати» быть примерно на одном уровне. Но этого Кириллу показалось мало, и он раскидал по всей поверхности одежду из оставшихся

чемоданов. Это придало некой мягкости, но, самое главное, имело теплосберегающий эффект. Простыть в такой ситуации было недопустимым. Спать не хотелось совершенно. Стоило ему отойти подальше от костра, как он начинал испытывать сильный холод. А страх встретить диких животных только ухудшал ситуацию. Не каждый зверь захочет выйти к огню. Тем более после того, как тут произошло крушение. Но вероятность этого имеет место быть и пренебрегать безопасностью было бы глупо. Кирилл и не заметил, как наступил рассвет. Нормально поспать ему так и не удалось. Всего пару раз он задремал на неизвестное время, но каждый раз просыпался от непривычных ему звуков дикого ночного леса. И даже несмотря на обрывистый сон, его состояние было довольно приемлемым. Да, именно приемлемым. У него все так же болело тело, а временами от боли предательски кружилась голова. Но его раны, покрывшиеся засохшей корочкой, не кровоточили и, что самое главное, не так сильно воспалились! Естественно, время от времени он менял повязки, смачивая их перекисью водорода. А обезболивающие подавляли головную боль, делая ее терпимой. Но он уже мог трезво мыслить без затуманивающегося время от времени разума.

Шел четвертый или пятый день с момента крушения. К сожалению, определить точное время с момента падения самолета возможности не было, а потому в голове Кирилла время от времени стали появляться плохие мысли.

– А что, если меня никто не ищет? Или же другая половина самолета отлетела в непонятном направлении и поиски ведутся в другом месте? Может быть, они нашли другую часть самолета и, не найдя никого живого, прекратили поиски вообще? – от таких мыслей его боевой настрой мгновенно улетучивался, и единственное, что ему хотелось, – это забиться в технический отсек самолета и сдохнуть там к чертовой матери. Но что-то внутри не давало опустить руки. Что-то упрямое, навязчивое и настолько приставучее, что от этого «чего-то» хотелось выть волком. И это «что-то» было желанием жить. Кирилл не боялся смерти. Но он хотел выбраться из этой ситуации. И тут его осенило. Ведь это новый вызов! Сердце экстремала вновь наполнилось азартом, без которого его существование было унылым. Выжить! Сейчас речь идет не о травмах и испорченных съемках! Сейчас ставка высока как никогда! Он должен выжить! И эта мысль словно разряд тока пронзила его сознание, пробуждая в глубине тела что-то дикое, древнее, забытое на многие поколения, что-то первобытное, а именно – инстинкты. И он остановился, ощущая, как его тело наполняется новой, неизвестно откуда взявшейся энергией. Его восприятие в один миг стало более осознанным и сосредоточенным. Словно кто-то ему шептал, а он внимал этот голос каждой клеточкой своего тела. И этот шепот шел отовсюду. От каждой

травинки, каждой иголочки хвойных деревьев, окружающих его, от каждого запаха. И только сейчас он уловил этот мерзкий «аромат», идущий от самолета. Тела определенно привлекут хищников, если их не похоронить. Перспектива возиться с гниющими телами была не самым приятным решением. Но покидать самолет было еще более глупым выходом. А если спасатели все-таки прибудут?

– Неделя, – именно это слово вычленил Холодов из хаотичного потока мыслей. Неделя была идеальным количеством времени. Он успеет восстановиться, а заодно приготовится к переходу. Ведь неизвестно, как далеко ему придется идти. Но, поскольку еще семь дней ему нужно будет жить тут, тела необходимо похоронить.

На то, чтобы выкопать большую яму под братскую могилу, у Холодова ушел почти весь день. Из-за отсутствия нормальной лопаты рыть ее пришлось длинным острым осколком обшивки. Но перед этим его нужно было подготовить. Отбив камнем острые края с нужных сторон, Кирилл обмотал их кусками одежды из чемоданов и только тогда преступил к работе. Из провианта у него оставалась только вода. Но во время поиска дров Холодов видел начавшие созревать ягоды смородины. Конечно, в них совершенно нет белка и жиров, необходимых организму, но питаться ими некоторое время он сможет.

Когда широкая яма была вырыта, Кирилл вновь ощутил упадок сил. В его состоянии подобные физические нагрузки были определенно противопоказаны. Да и перерывы последние два часа приходилось делать все чаще. Вот и сейчас Холодов собирался поспать некоторое время. Его ноги подкашивались, а руки кое-как подкинули в костер еще дров, чтобы тот не погас. И стоило ему опустить голову на импровизированную подушку из чьей-то футболки, набитой одеждой, как его сознание отключилось так резко, словно кто-то нажал выключатель.

Проснулся он от вновь начавшейся головной боли. Виски будто тисками сдавливало. Казалось, что вот-вот черепная коробка не выдержит давления и взорвется, окрасив поляну у костра кровью, словно в малобюджетных фильмах ужаса. На голодный желудок выпив пару таблеток обезболивающего, он еще немного полежал в ожидании, когда таблетки начнут действовать. Кирилл специально решил не есть, пока не закопает тела. Ему казалось, что на пустой желудок будет легче это сделать. Но пока у него есть силы, надо подготовить провиант. На то, чтобы набрать полный контейнер ягоды, ушло куда меньше времени, чем он думал. Во-первых, прогибающиеся под тяжестью и обилием крупных черных ягод ветви с радостью отдавали их, стоило только потрясти их

над пластиковой тарой из-под самолетной еды. А, во-вторых, ее было настолько много, что искать долго не приходилось.

Закончив делать припасы, Холодов приступил к делу, которое старался оттянуть как мог. Запах из самолета шел отвратительный. Помимо ягод Холодов также додумался сорвать несколько листьев смородины. Во-первых, он планировал использовать их для травяного чая, а, во-вторых, слегка перетертые между собой листья стали неким фильтром запахов для предстоящего дела. Сделав повязку на нос и рот из обрывка ткани, он завернул туда перетертые листья. Плотно прилегающая к лицу повязка это была неидеальным средством защиты, но ничего лучше у него не было. Да и переносить трупный запах было куда легче. Первым делом в яму отправились тела животных. Он аккуратно сложил их с краю. Пускай питомцы покоятся рядом со своими хозяевами, решил он. Но то, чего Кирилл не ожидал от себя, настигло его посреди процесса. Когда треть тел уже покоилось в яме, на Холодова обрушился шквал эмоций. Ему стало настолько больно при виде мертвых, что его ноги подкосились, и он рухнул на колени посреди салона. Он всегда считал смерть естественным явлением. Никто от нее не убежит. А потому думал, что подготовился к ней психологически. Да и постоянные новости о терактах, убийствах и подобных происшествиях сделали его слегка черствым к гибели посторонних людей.

– Это, конечно, печально, но стоит ли так упиваться горем из-за этого? Вокруг постоянно кто-то умирает. Разве это не естественный ход жизни? – именно так думал он. Но сейчас, при виде людей, которые еще недавно летели с ним в самолете, а теперь лежат с пустыми взглядами, Холодов хотел кричать от боли. Он мечтал о том, чтобы хоть кто-то из них выжил! Надеялся услышать чей-нибудь голос. И дело было даже не в том, что ему было не по себе от того, что он остался один в лесу. Ему просто хотелось слышать человеческую речь рядом. И правда говорят, что ценность вещей осознается только тогда, когда теряешь их. Подобные сопливые переживания были чужды ему. Он всегда старательно подавлял в себе эмоции, словно стесняясь их. Но сейчас плотина рухнула, и они волной обрушились на разум Холодова. Выскочив из самолета, он сорвал с лица повязку и рухнул на землю. Постепенно рвущая на части сердце боль сменилась на ярость. Он бил кулаками землю, словно это из-за нее погибли эти люди. Хотя если посмотреть с иной стороны, так оно и было. На смену приступа ярости пришел холодный гнев на самого себя. Он должен был сразу похоронить их всех. Его мучила совесть за то, что он понадеялся на скорое появление спасателей. А потом к нему пришло осознание того, что он совсем один. Рассчитывать он может только на себя. Рядом нет товарищей, которые помогут, если он подвернет ногу. И тех, кто придет на помощь, если на него нападут дикие звери,

тоже нет. А значит, надо как можно скорее решить проблему с телами. Вновь холодный рассудок сковал бушующее пламя чувств. Придя в себя, он продолжил переносить тела в общую могилу, попутно обшаривая карманы мертвых в надежде найти что-то полезное. Увы, особого результата это не дало. Единственное, что он нашел, был шоколадный батончик с орешками. Его полиэтиленовая упаковка не пропускала влагу и была перепачкана засохшей кровью. Но раскидываться припасами он сейчас не имел право. На то, чтобы закопать тела, ушел остаток солнечного дня. Когда Холодов закончил, лес был окутан опустившимися сумерками. Звуки вокруг стали иными. Тише, но в то же время куда отчетливее. Ночью жизнь идет иначе. И вновь пробудившиеся от долгого сна инстинкты дали о себе знать. До Кирилла дошел запах, который он раньше не замечал из-за пахнущих в самолете тел. А стоило ему немного прислушаться, как все стало предельно ясно. Запах сырости и шум бурлящей воды привлекли внимание парня. И он тут же захотел направиться в ту сторону, чтобы осмотреться. Но холодный разум вновь остановил его.

– Глупо идти на ночь глядя, – шептал он. – Ты все равно мало что увидишь в темноте. А завтра со свежими силами отправимся туда.

Плотно поужинав ягодами и найденным батончиком, Кирилл вновь провалился в долгий сон. Он совершенно не успевал насладиться треском дров в костре, ароматами и звуками ночного леса. Всеми теми вещами, которые придают отдыху в лесу романтичности и спокойствия. Хотя в его ли положении было обращать на все это внимание?

Глава третья

Проснувшись с первыми лучами солнца, Холодов четко ощутил, что впервые за все это время пробуждение далось легко. Яркое ощущение насилия над организмом словно улетучилось, оставляя место для свежести и ясного разума. Но и у этого пробуждения были свои существенные минусы. Оно было холодным. Тлеющие угли почти не давали тепла, а погода определенно не радовала. Взглянув на надвигающиеся с запада тучи, Холодов осознал, что совершенно забыл о возможности дождя. И не приготовился к данному погодному явлению вообще никак. Первым делом Кирилл принялся перетаскивать дрова в останки самолета. Он складывал их в проход между рядами сидений. Дров было не так

много, но этого запаса должно было хватить на то время, пока новые будут сохнуть у костра. После чего Холодов принялся собирать и переносить свою импровизированную кровать. Чемоданы он аккуратно сложил в техническом отделе. Это место было его надежным укрытием, пока он приходил в себя. А сейчас проветрившееся от трупного запаха помещение выглядело вполне сносным для дальнейшего временного проживания. Если бы не засохшие лужицы крови в салоне, он бы возможно, даже остался бы тут. Едва он успел оттащить последний чемодан, начался дождь. Да не просто дождь, а ливень с громыхающим вдали громом. Поняв, что ему тут придется торчать не один час, Холодов решил еще раз осмотреть самолет. Обшарив кухонное помещение, он был приятно удивлен. На глаза спортсмена попалась коробка, полная упаковок орешков! Обычно их раздают во время полета, но Холодов не помнил, чтобы это происходило во время его полета. И вот он новый подарок судьбы! Орехи— не просто вкусное лакомство. Соль и огромное количество белка в этом продукте делают их одним из лучших припасов в его ситуации! Открыв новую бутылку воды, он принялся уплетать одну пачку за другой. Соленые орешки на завтрак были как бальзам на душу. Кирилл был готов вновь идти за ягодами, которые сколько ни ешь, чувство сытости не дадут. Орехи же напротив обладают довольно высокой калорийностью, и хватает пары маленьких упаковок, чтобы ощутить насыщение. И сейчас Холодов был почти доволен ситуацией. Он сидел в проеме аварийного выхода, свесив ноги и болтал ими, словно маленький мальчик сидящий на качелях. Кирилл смотрел, как крупные капли дождя, разбиваясь о землю, разлетаются брызгами во все стороны. А прохладный свежий воздух словно расслаблял грудную клетку, восстанавливая привычное ровное дыхание. Он радовался. Тому, что выжил, что у него есть еда и вода, что даже, несмотря на все полученные им травмы, он все еще в состоянии двигаться. А сейчас это самое главное. Но еще он думал о том, водится ли рыба в шумящей неподалеку реке? В свое время он очень любил смотреть видео на ютубе об изготовлении ловушек для рыбы, и ему хотелось испытать знания на практике. Но у природы были иные планы. Разразившийся с утра дождь оттянул этот момент.

– Ну и ладно. Всему свое время, – открывая новый пакетик с орешками, подумал Кирилл.

Когда с завтраком было покончено, Холодов вновь отправился на обыск самолета. В прошлый раз голод не дал ему закончить начатое. Но найденный запас орехов только раззадорил его любопытство. И, как оказалось, не зря. Небольшие сумки, лежащие на верхних полках и раскиданные при падении по салону, принесли Холодову новые подарки от госпожи Удачи. Помимо кое-какой

одежды и бонуса в виде старенького походного телефона «Outfone» со сбившимися настройками времени, но почти полным запасом батареи, ему в руки попал небольшой пятидесятилитровый рюкзак с ортопедической спинкой. Строение рюкзака и его содержимое навело Холодова на мысль о том, что хозяин найденного либо военный, либо из тех, кого в простонародье называют «выживальщиками». Открыв рюкзак, он чуть не закашлялся от удивления. Первым, что он достал, был небольшой, аккуратно свернутый спальный мешок. Кто, черт возьми, вообще берет с собой в самолет такие вещи? Места много занимают, а купить их можно в любом спортивном магазине. Не в Советском Союзе же живем. Но находке он был, несомненно, рад. Спать под открытым небом, укутавшись в чужую одежду, ему надоело. Следующим, что он достал из рюкзака, был небольшой сверток из кожи, в котором лежали довольно увесистый пакетик с маленькими железными шариками диаметром около десяти миллиметров и охотничья рогатка с запасными резинками и раскрываемым упором для руки. У Кирилла отвисла челюсть. Неужели такое не забирают при входе в самолет? Помешанные на своем «театре безопасности» американцы всегда казались Кириллу забавными. А тут охотничья рогатка! Ему ни разу не приходилось стрелять из них, но Холодов не раз видел, как опытные стрелки одним выстрелом вырубали птиц и зайцев. И такая находка была словно благословение свыше. Хотя вся эта ситуация казалась ему чем-то волшебным и необычным. Он не раз слышал о людях, выживших во время крушения самолетов, но никогда не думал, что с ними происходило дальше. Обычно их находили либо в течение нескольких часов, либо спустя некоторое время в лесах, потому что они самостоятельно отправлялись на поиски помощи.

– Но если спасатели так быстро реагируют на подобные происшествия, почему меня еще не нашли? – думал Холодов. Дым от костра, который горел последние дни, должен был привлечь хоть кого-то. В чем же дело? Он достал из кармана старенький «Outfone» и посмотрел на уровень сети. С момента находки он проверял его чуть ли не каждые пару минут. Он так желал позвонить хоть куда-нибудь! Услышать живой голос, рассказать о том, что произошло, и позвать на помощь. Но связи как не было, так и не появилась, а потому Кирилл вновь отключил телефон, чтобы лишний раз не тратить заряд батареи, и продолжил рыться в рюкзаке. Большой моток лески и несколько крючков к ней, прочные капроновые нитки с иголками, неплохой бинокль с восьмикратным увеличением, а в самом низу рюкзака лежали камуфляжная куртка под цвет рюкзака и прочные военные ботинки песочного НАТОвского цвета. Кирилл не раз видел их на ногах американских солдат во время своих путешествий. Не задумываясь, Холодов начал примерять находки и остался доволен результатом. Ботинки были слегка большими, но кто мешал сделать из обрывков одежды портянки?

Даже Тому Хэнксу в фильме «Изгой» так не везло с находками, как ему. Разве что место крушения у него поуютнее было. Тропический остров привлекал Холодова куда больше, чем неизвестный глухой лес, через который еще предстояло идти на поиски людей.

Отведенная на подготовку неделя пролетела незаметно. Кирилл достаточно многое успел за это время. Сделанные им ловушки-лабиринты для рыбы на берегу реки не дали никаких результатов, но вот рогатка уже оправдала себя, как и потраченные на «пристрелку» шарики. Метким выстрелом он смог подстрелить утку, плавающую со своей стайкой около берега. Свежая дичь была тут же ощипана и приготовлена над костром. Холодов даже втер в нее соль со дна пакетиков из-под орешков. А потому мясо было не таким пресным, хоть и весьма жестким. Он сам не заметил, как от утки остались одни кости. Единственное, чего ему не хватало, был какой-нибудь котелок, чтобы вскипятить в нем воду. Мечта о бульоне или супе будоражила желудок уже не один день. Самая полезная еда в период восстановления организма была сейчас и самой желанной. Но, увы, такой недоступной…

И вот наутро восьмого дня с момента принятия твердого решения Холодов отправился в путь. С собой он взял самое полезное из своих находок. Из припасов у него оставались только орехи и вода, набранная в опустевшие самолетные бутылочки. Идти он решил вдоль русла. Это было как минимум рационально, потому что вода всегда будет под рукой, а если повезет, то и дичь, которая выйдет на водопой. Помимо припасов и предметов первой необходимости, в найденный рюкзак были уложены кроссовки, запасные носки из чьего-то багажа, несколько футболок на тряпки, пара забитых до отказа аптечек из самолета и спальный мешок, который был примотан к верхнему клапану рюкзака около головы Холодова. Ему не впервой было упаковывать рюкзак для перехода, а потому он знал один простой прием, который помогал распределить вес вещей так, чтобы доставлять минимум дискомфорта при его переноске. А именно, все самые тяжелые вещи разместить вдоль спины. Увы, стоило ему надеть рюкзак, как тело вновь отозвалось сильной, но терпимой болью. Видимо, не настолько хорошо он окреп за это время. Почти две недели прошло с момента крушения. Оставаться на том месте было глупо. Попрощавшись с закопанными недалеко от места крушения трупами, он пообещал рассказать спасателям о том, где он их закопал, чтобы о них сообщили родственникам, и отправился в сторону реки.

Несущийся вниз поток чистой прозрачной, словно стекло, воды встретил его свежим запахом и приятным журчанием. Река была довольно быстрой и широкой, так что о том, чтобы переправиться на другую сторону, Кирилл даже не думал. Да и необходимости в этом пока не было. Двигаясь вдоль берега по течению реки, он внимательно смотрел по сторонам в поисках дичи. Орехи – это, конечно, замечательно, но если они будут с мясом, еще лучше.

Передвигался он медленно. Вес рюкзака, висевшего на плечах, был невелик. Но даже его хватало, чтобы вызвать в теле ноющую боль, мешавшую на каждом шагу. Вот только место крушения уже далеко и возвращаться он определенно не намерен. То место дало ему все подарки и уроки, которые были уготованы ему судьбой, а потому оставаться там и дальше смысла не было. Когда наступил полдень, Холодов сделал привал, чтобы поесть и заодно проверить телефон на наличие связи. Но, увы, крестик на месте палочек уровня сигнала снова расстроил надежды молодого человека.

Продолжив свой путь после небольшого отдыха, Холодов стал замечать, что еще недавно довольно крутой склон почти превратился в ровную поверхность, а бурлящая местами река приобрела ровное и спокойное течение. Обычно такие вещи говорят о приближении к крупному водоему, в который впадает этот приток. А на крупных водоемах, как правило, есть люди. Только вот, если они там есть, почему они не услышали падение самолета?

Кирилл не ошибся, ибо к вечеру, когда солнце уже почти скрылось за горизонтом, он вышел на берег огромного водоема. Настолько огромного, что ему был не виден противоположный берег. Его зеркальная гладь отражала в себе ночное небо и едва проступившие на нем звезды. Холодов скинул рюкзак и отправился на поиски дров, чтобы разжечь костер для ночлега. Ночь обещала быть прохладной.

Грубые металлические пальцы пытались как можно мягче касаться огромного куска глины. Липкое, массообразное вещество сбегало каждый раз, стоило лишь на долю секунды потерять контроль над вибрациями в теле и чуть посильнее сжать руку. Но как только оно приобретало более или менее четкий человеческий облик, как внутри него зарождался до боли знакомый огонек. И вновь надежда на успех безжалостно разочаровала скульптора. Не имея возможности жить, огонек тут же гас, а неловко вылепленное тело рассыпалось словно мелкая крошка.

Исполин из твердой бронзы, что сидел перед огромной горой глины, еще не так давно был металлическим воплощением некогда жившего в России вождя. Ленин Владимир Ильич был единственным живым существом в небольшом поселке городского типа. Целыми днями он шатался по пустынным улицам в поисках жизни. Но все было тщетно. Когда памятник впервые «открывал глаза», он лишь отдаленно ощутил, как все маленькие источники колебаний быстро покидают округу, оставляя его совершенно одного.

– Почему они сбежали? – этот вопрос мучил его каждый день. Ленин понятия не имел, что же на самом деле происходило в мире. О том, что война, мгновенно пролетевшая по всему земному шару, почти уничтожила человечество. Про то, что он, сам того не понимая, стал одним из новых завоевателей голубой планеты по имени Земля. И словно маленький ребенок, обиженный на весь мир, бронзовый человек сам попытался создать себе друга. Только вот хрупкая глина все никак не хотела принимать нужную форму. А то, что получалось, не то что другом назвать нельзя, даже на живое существо не похоже. К тому же почти мгновенно погибало по непонятной Ленину причине…

Они были абсолютно пусты внутри. Да, в них ощущался огонек, только он не подавал никаких признаков жизни, пока не отдашь ему четкий и ясный приказ. И только тогда это тело начинало двигаться, словно безвольный голем из еврейской мифологии, и тут же рассыпалось на осколки.

Уже несколько дней металлический вождь сидел в отчаянных попытках создать хоть что-то живое. Но увы. Этому не суждено было случиться. Снова неудача. Небольшая фигурка из глины неподвижно стояла перед своим создателем в ожидании приказа.

– И что ты смотришь на меня? – естественно, ответа не последовало. Кривая и помятая глиняная поделка даже не шелохнулась. Недолго думая, Ленин встал на ноги и со всей силы пнул созданное им же существо, отправляя его в сторону ближайших кустов.

Солнце уже давно преодолело большую часть своего пути и медленно уходило в сторону запада, готовясь освещать обратную сторону планеты. А это означало, что неумелому скульптору скоро предстоит вновь погрузиться в ту темноту, в которую он окунается каждую ночь. Но это его не беспокоило. Ему нравился процесс пробуждения. Особенно если закат он встречал на крыше трехэтажного

здания, которое ранее имело гордое название «дом культуры». Из-за расположения окружающих поселок гор первые лучи утреннего солнышка почти сразу же освещали широкую площадку, на которой лежал Ленин. Ему нравилось это место. Только там ему удавалось в полной мере насладиться колебаниями утренних звуков просыпающейся природы. Это была единственная радость, доступная брошенному всем миром бронзовому человеку.

Ночь как и всегда пролетела абсолютно незаметно. Стоило Ленину погрузиться в сон, как тут же наступал миг пробуждения. Только в этот раз все было иначе. Он не слышал ни птиц, ни отдаленных звуков окружающего леса. Вместо этого внизу отчетливо раздавался звук работающего двигателя.

– Неужели кто-то приехал? – нотка чистой, детской радости промелькнула в мыслях памятника. Не дожидаясь момента, он в один прыжок спустился вниз к главному входу, рядом с которым стоял небольшой грузовик, за рулем сидел мужчина.

Брошенное здание, на крыше которого спал Ленин, было разделено на два широких крыла с огромным крыльцом посередине. Но с левой стороны был еще один вход. Местное отделение банка было одним-единственным на весь район. И оттуда вовсю разносились звуки.

Пригнув голову, памятник с нескрываемым любопытством протиснулся в небольшой дверной проем и направился в сторону источника звуковых колебаний. Тихо обойдя приемные окна и ряды лавочек, на которых обычно дожидались своей очереди клиенты, он прошел вглубь банка. Идущие оттуда звуки напоминали странный, но все же довольно похожий на скрежет металла.

– Тихо ты! – вдруг неожиданно раздался приглушенный мужской голос.

– Да кто услышит? Тут никого нет. Из-за этих памятников все выжившие уже давно эвакуировались на военные базы, – ответили ему.

– Мало ли. Осторожность прежде всего. Вдруг тут тоже есть один из пробудившихся?

– Да рано им еще просыпаться. Солнце только начинает подниматься.

Ленин не стал слушать их споры, а вместо этого сделал шаг вперед. Двое мужчин стояли у плотно закрытой двери банковского хранилища. У одного из них в руках был массивного вида перфоратор с длинным, около полуметра, сверлом.

– Вот кто тебя за язык тянул? Накаркал только! – обратился к товарищу один из грабителей.

– Простите меня. Я не хотел потревожить вас, – неожиданно для них произнес памятник. – Позвольте я вам помогу.

С этими словами он приблизился к массивной двери и со всей силы ударил кулаком прямо в ее центр. Раздался громкий скрежет рвущегося металла, и дверь слегка прогнулась вовнутрь хранилища. Второй удар вмял ее еще сильнее. После третьего она с грохотом упала на твердый бетонный пол.

– Прошу. Думаю, так вам будет проще, – со всей доброжелательностью произнес Ленин, указывая на вход в хранилище. Замершие от удивления мародеры даже не шелохнулись. Они внимательно наблюдали за своим металлическим помощником, боясь двинуться.

– Зачем тебе помогать нам? – вдруг спросил один из них.

– Мне нет дела до ваших денег. А вот скука порядком надоела, – коротко объяснил он. Ему не хотелось говорить, что с момента пробуждения его преследовало чувство одиночества.

– Скука? – удивился грабитель.

– Да. Если вы не против, я могу пойти с вами. Мне несложно открывать такие двери, так что мы вполне можем быть полезны друг другу, – предложил памятник. Он понимал, что подобные личности могут начать вовсю использовать его, но чувство одиночества было сильнее гордости.

– Нам нужно поговорить, если ты не против.

– Да, конечно. Я понимаю, вам необходимо обсудить мое присоединение к вашему коллективу. Я подожду на улице.

С этими словами он медленно пошагал в сторону выхода из банка, оставив позади себя все еще находящихся в состоянии шока людей. Естественно, он слышал каждое сказанное ими слово. Даже больше. Он отчетливо осознавал, что происходило в комнате с выломанной им дверью. Колебания, идущие сквозь твердые стены здания, сообщали ему все, что требовалось. В том числе и то, что его предложение приняли. Что мгновенно подняло настроение бронзового человека. И он тут же направился назад к своим новым товарищам.

– Слушай, мы, конечно, тебе пока не доверяем, но от помощи твоей отказываться не будем. Понимаешь, в стране сейчас война, и почти все люди покинули города. Мы пользуемся случаем, чтобы немного разбогатеть на этом деле, – с ходу начал один из грабителей. – Меня Александр зовут, это Витя. Давай сейчас быстро перетащим все в кузов, а общаться уже будем в дороге? Кузов все равно открыт, как в кабриолете поедешь.

Ленин охотно согласился с ним и всем своим видом дал понять, что готов оказывать помощь. За каких-то двадцать минут хранилище было обчищено подчистую.

– Да хорош уже прятаться! – воскликнул Александр, стуча кулаком по кабине автомобиля. – Слава, выходи знакомиться. У нас новый товарищ.

– Ты совсем с ума сошел? Памятник к нам звать! – зарождающаяся истерика в голосе водителя несколько насторожила Ленина.

– Да успокойся ты. Он сам попросил.

– Это чтобы узнать, где у нас база, и убить!

– Зачем мне это делать? – удивленно спросил Ленин. – Вы первые люди, которых я вижу с момента пробуждения. Нам абсолютно нечего делить. Мы можем сосуществовать.

Вместо ответа паникер трясущимися от страха руками достал сигарету и попытался ее подкурить. Только вот паника, овладевшая им, была настолько сильна, что спички ломались одна за другой, так и не загоревшись.

– В пути поговорим. Залазь в кузов, – сказал Саша памятнику. – А ты возьми уже себя в руки да поехали отсюда. Нам до обеда нужно успеть возвратиться. Нужно отвезти все в убежище и выспаться. Ночью поедем на север. Там тоже города есть.

– А почему вы не грабите банки в городе? – поинтересовался Ленин.

– Разрушены. Бомбежка прошла. В городе ловить нечего, – соврал Виктор, закрывая за собой дверь кабины. Ну незачем бронзовому недотепе знать, что это именно его сородичи стали причиной разрушений.

– И все же это хреновая идея, – пробубнил водитель.

– Заткнись и езжай, – приказал ему Александр.

Грузовик с рывком двинулся вперед и направился в сторону выезда из городка. Ленин впервые передвигался не на собственных ногах. Новые впечатления несли в себе свои удовольствия, и дабы усилить их, он опустился на дно кузова и лег на спину. Колеблющиеся вокруг автомобиля потоки ветра словно создавали тоннель, стены которого танцевали вокруг памятника, завораживая его своей красотой. Причем с такой силой, что он не сразу обратил внимание на то, что с ним пытаются говорить. Звуки едва пробивались сквозь шум ветра и рев автомобильного двигателя. Даже основное чувство, на которое полагался памятник, слегка притупилось. Вибрации голосов словно улетали назад, уносимые воздушным потоком. А потому он приподнялся и сел, облокотившись на край кузова.

– Прости, я не услышал. Что ты спрашивал? – обратился он к Александру.

– Я говорю, что мы будем звать тебя Ленин. Ты же все-таки памятник вождю.

– Хорошо, – не задумываясь, согласился металлический человек.

– Итак, Ленин, расскажи нам, какие у тебя планы? – поинтересовался Виктор.

– Не знаю. Я не так много знаю о том, что происходит вокруг, но многие вещи мне кажутся очень знакомыми, – без утайки ответил памятник.

– А что ты знаешь? – спросил Александр.

– Можно сказать, ничего. Кругом столько всего странного. Мне до сих пор не понятно, как едет эта штука. Но мне нравится ехать в ней. Или же почему я засыпаю ночью? И почему я вообще ожил? Это нормально? Со всеми памятниками так произошло?

–Ууу, сколько вопросов. Извини, дружище, но пока я сам не знаю ответа на вопрос, почему ты ожил. Нет, этого ранее не случалось. Просто вдруг ни с того, ни с сего ваши стали оживать один за другим.

– Нас много? – удивился металлический человек.

– Немало, уж точно, – пробубнил водитель. – Я бы даже сказал, слишком много.

– Не слушай его. Он просто боится тебя.

– Но почему?

– Ты себя видел вообще? Ты же машина для разрушения. Огромный, сильный, страшный, как моя теща с похмелья. А вообще расслабься и не переживай. Извини, но всех ответов на твои вопросы я не обещаю, но, думаю, с нами тебе будет веселее, чем одному. Так что расслабься и наслаждайся дорогой. Мы скоро будем проезжать такие пейзажи! Ух! Каждый раз еду, любуюсь.

– Пожалуй, так и сделаю, – произнес Ленин и, устроившись поудобнее, начал осматриваться по сторонам. Оценить красоты пейзажей у него не получалось. Колебания, которые создавали картину окружающего мира, буквально сдувало ветром. А вот танец воздушных вибраций завораживал. Он сам не заметил, как протянул к ним руку, и волны, словно играя, стали быстро протекать между пальцев, оставляя за собой ярко-выраженные полосы, которые хвостом тянулись за движущимся автомобилем.

Они ехали уже не один час, а пассажир так и не отрывался от лицезрения плывущих над головой узоров.

– Скоро будем на месте, – раздался голос Александра. – Вон уже город видно!

Ленин слегка приподнялся в кузове и устремил свое внимание в сторону, куда показал Саша. И замер. Оттуда шли странные, но невероятно манящие колебания. Он ранее ни разу не ощущал настолько зовущей к себе волны. И с каждой секундой она становилась все сильнее и сильнее, пока в голове металлического человека не прозвучал четкий, ничем не приглушаемый голос:

– Привет, брат. Теперь ты с нами.

Не прошло и минуты, как все, кто ехал в кабине, были убиты. Всего один удар бронзового кулака сидевшего в кузове памятника был обрушен на крышу кабины, сминая ее почти до самого двигателя. Автомобиль начало бросать из стороны в сторону, и, совершив последний резкий маневр, он перевернулся набок и со скрежетом заскользил по асфальтовому полотну дороги. Единственный выживший пассажир вдруг стал нагреваться, а когда все его тело превратилось в источающий жар раскаленный металл, сорвался с места и устремился в сторону города, куда так манил зовущий его голос.

Утренняя дымка над водной гладью скрывала горизонт от глаз Кирилла. Он лежал завернутый в спальный мешок около потухшего костра и совершенно не хотел открывать глаза. Все тело ныло от долгого перехода. Мышцы ног словно и не отдыхали вовсе. И без того травмированный организм после целого дня ходьбы вообще не желал двигаться, а тем более вновь отправляться в долгий путь. Но выбора у него особо и не было. Холодов принялся расстегивать спальный мешок и ощутил, как что-то холодное и мокрое проникло вовнутрь прямо на его одежду. Спальный мешок был почти полностью покрыт каплями росы. От неожиданно резкого холода он окончательно проснулся. Выбравшись из спальника, Кирилл оделся и некоторое время непонятно зачем провозился с тем, чтобы разжечь костер. Готовить на нем ему было нечего да и не в чем. К тому же уходить скоро. Но ему так хотелось тепла. Спальный мешок не особо помогал, если рядом не было большого костра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/semenov_rodion/kamennyy-vek

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить